

СЕРИЯ

А.БАВЕННИКОВ

ВНО

Андрей Валентинов

Ола

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128888

Ола: Эксмо; Москва; 2004

ISBN 5-699-06483-4

Аннотация

Ола – Всесожжение, жертва Господу. Только она может спасти страну от гибели, отогнать беду. Но что и кто станет этой жертвой?

Действие новой историко-философской фантазии Андрея Валентинова происходит в Испании XV века. Америка еще не открыта, Колумб только готовит свою экспедицию. А по пыльным дорогам Кастилии едет на нелепом коньке сухорукий идальго Дон Саладо – борец с великанами и колдунами, защитник прекрасных принцесс. Но что он может сделать, если впереди не ветряная мельница, а Сожженная Земля и Дракон Супремы, разжигающий своим пламенем костры инквизиции?

Или все-таки может? Каравелла «Стяг Иисусов» поднимает паруса...

Содержание

НА КНИГУ «ОЛА»	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЛЕЧНЫЙ ИДАЛЬГО	13
ЛОА[4]	13
ХОРНАДА I[5].	15
ХОРНАДА II.	31
ХОРНАДА III.	46
ХОРНАДА IV.	61
ХОРНАДА V.	76
ХОРНАДА VI.	93
ХОРНАДА VII.	110
ХОРНАДА VIII.	125
ХОРНАДА IX.	140
ХОРНАДА X.	154
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Андрей Валентинов

Ола

Если жертва его есть Всесожжение, пусть принесет ее без порока; пусть приведет ее к дверям скинии собрания, чтобы приобрести ему благоволение пред Господом; и возложит руку свою на голову жертвы Всесожжения – и приобретет он благоволение, во очищение грехов его; священники же принесут кровь и покропят кровью со всех сторон на жертвенник; и снимет кожу с жертвы Всесожжения и рассечет ее на части; священники же положат на жертвенник огонь и на огне разложат дрова; и сожжет священник все на жертвеннике.

*Это Ола – Всесожжение, жертва, благоухание, приятное Господу.
Книга Левит, 1, 3-9.*

МИГЕЛЮ ДЕ СЕРВАНТЕСУ СААВЕДРА
Дон Мигель!

С почтительностью, какую внушает мне Ваше величие, молю Вас принять мою книгу под милостивое свое покровительство, дабы, хоть и лишенная драгоценных украшений изящества и учености, обычно составляющих убранство произведений, выходящих из-под пера людей просвещенных, дерзнула она под сенью Вашей Милости бесстрашно предстать на суд тех, кто, выходя за пределы собственного невежества,

имеют обыкновение выносить не столько справедливый, сколь суровый приговор. Вы и без клятвы можете поверить, как хотелось бы мне, чтобы эта книга, плод моего разума, являла собою верх красоты, изящества и глубокомыслия. Но отменить закон природы, согласно которому всякое живое существо порождает себе подобное, не в моей власти. А когда так, то что же иное мог породить мой ум, если не эту повесть? Случается иной раз, что у кого-нибудь родится безобразный и нескладный сын, однако же любовь спешит наложить повязку на глаза отца, и он не только не замечает его недостатков, но, напротив того, в самих этих недостатках находит нечто остроумное и привлекательное. Вы же, Ваша Милость, вперив очи мудрости своей в мои благие намерения, надеюсь, не отвергнете столь слабого изъявления низжайшей моей преданности.

Надеюсь также, Дон Мигель, вы простите меня за то, что все искренние слова, написанные выше, принадлежат не мне, а именно Вам и взяты и Вашей бессмертной Книги. Свет, зажженный Вами, Ваша Милость, четыре века назад, не погас, и ныне возвращается к Вам же.

Автор

НА КНИГУ «ОЛА»

Урганда неуловимая

Эй, любители фанта (зий!)
Налетайте, книжка вы (шла!)
Про идальго с кабалье (ро,)
Про красоток, про чудо (вищ,)
Про ужасных людое (дов,)
И, конечно, про драко (нов)
Хватит мудрствовать лук (аво,)
И сушить мозги без тол (ку,)
Философий начитав (шись!)
То ли дело, меч взяв слав (ный,)
Долбануть врага по шле (му, –)
Не на игрищах – взаправ (ду,)
Да чтоб звон пошел по ми (ру —)
Этим с вами и займем (ся!)
Мимо замков великан (ских,)
Через чары колдовски (е,)
Поплывем за Море Мра (ка,)
А что там – пока загад (ка,)
Прочитайте – ясно бу (дет.)

Если ты решила, кнѣ (га,)
Путь направить к тем, кто зна (ет,)
Там тебе дурак не ска (жет,)
Что ты пальцы ставишь кри (во.)
Если же тебе приспи (чит)
Даться в руки остоло (пам,)
Так они тебе в два сче (та)
Разлетятся пальцем в не (бо,)
А меж тем все ногти б съѣ (ли,)
Чтоб явить свою уче (ность.)

Ты, не слушай, друг, эсте (тов —)
Все эстеты – мужелож (цы,)
Лишь себе подобных хва (лят,)
А за что – вполне понят (но.)
Ну, а кто не мужело (жец —)
Прочитай – жалеть не ста (нешь!)
Книжка эта – про пика (ро,)¹
Про братка-контрабандис (та)
Да про рыцаря-геро (я,)
Да про юную деви (цу,)
Да про призраков ужас (ных,)
В общем, весь набор в нали (чьи,)
Ночью даже будет снить (ся.)

¹ Пикаро – особое сословие в средневековой Кастилии, напоминающее воровской «закон». В числе пикаро были не только преступники, но и бродяги, искатели приключений, даже студенты и монахи.

Ну, кто смелый? Все за мно (ю!)

НАЧО БЛАНКО по прозвищу БЕЛЫЙ ИДАЛЬГО

сонет

Ошибочка! Наш автор пошутил,
Прошу меня назвать совсем иначе.
Я не идадьго, просто Белый Начо,
Вовеки в эскудеро² не ходил!

Мне ни к чему дворянской спеси пыл.
А риск смертельный ни к чему тем паче.
Щит на монетах я носить любил.
А если рыцарь был – то лишь Удачи.

Пикаро я, обычной вор морской.
Не рыцарский роман, а плутовской
Строчить про Начо Бланко было б в пору.

² Эскудеро – дословно «щитоносец», оруженосец при рыцаре. Далее – игра слов: на золотых монетах был изображен щит (escudo) с королевским гербом.

Не по плечу мне белый плащ с крестом.
Не жить мне меж молитвой и постом.
Но делать нечего. Спешу я в бой, сеньоры!

ДОН САЛАДО

сонет

Кто здесь смешон, так это – только я.
Калека в мятом шлеме, в старых латах,
С рукой сухой (спасибо, не горбатый!),
О ком страна забыла и семья.

Пусть так, пускай нелепа жизнь моя.
Мне ни к чему гнить в каменных палатах,
Дороги камень – он ценнее злата.
И судьями мне Бог лишь – и друзья.

Я вижу то, что прочим не узреть,
Вершу я то, что трусам не посметь.
Пускай смеются, пусть кричат мне: «Враль!»

Всю мудрость, все богатства, все владенья
Не променяю на свои виденья.

И верю, что увижу я Грааль!

ЛИСЕНСИАТ³ АЛЕССАНДРО МАРИЯ РОХАС

сонет

Ученый муж, что слова в простоте
Не молвит. И подобно попугаю
Твердит: «Не может быть!» в ответ мечте.
Неужто я таков? Ей-ей не знаю.

Смешная роль – читать moralite.
Но автор строг ко мне – и я читаю,
Репейником болтаюсь на хвосте,
Хоть сам и ни черта не понимаю.

Таков удел, увы, печальный мой.
Я резонер, я вовсе не герой.
Толстяк в очках, почти дурак из сказки!

Но – лишь пока. И стану я иным,
Когда подступит Смерть к друзьям моим

³ Лисенсиат – выпускник университета.

И миг настанет всем нам скинуть маски.

АКАДЕМИКИ ЧЕРТОБЕС, ТИКИ-ТАК И ЛИЗОБЛЮД.

сонет

Роман плохой, его читать не след.
Во-первых, автор путает все факты
Истории. Предмет не знает он –
Ни лошадей, ни лат и ни одежды.

А во-вторых, опять Добро и Зло!
Опять борьба меж ними, понимаешь!
Какая скука! Если б киберпанк!
Драконы в виртуалке – это круто.

А в третьих – ну, не любим мы его!
А кто не люб нам, тот и не писатель.
А посему, кто дочитал доселе,
Захлопни книжку – и о ней забудь!

Когда б еще мы рифмовать умели,

Мы б вам похлеще песенку напели!

ОСЕЛ КУЛО

сонет

Назвали так, что стыдно повторить.
Ну чем я плох? Своей ослиной шкурой?
«Осел! – кричат, – осел!» Бреду понуро.
Ей-богу, впору только слезы лить!

А между тем, повествованья нить
Не рвется, скреплена моей натурой
Ослиною, простой – но трубадурам
Лишь рыцарей положено хвалить.

Таков удел. Нагрузят, как верблюда
И – по ушам! Как только выжил – чудо!
Легко героем слыть, осла кляня!

Но ты, Читатель, рассуди без лести.
Взгляни, чего я стою честь по чести.
Ведь все в романе началось с меня!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАЛЕЧНЫЙ ИДАЛЬГО

ЛОА⁴

Чтоб гулялось веселее,
Чтобы скука не знобила,
Кинем краски вдоль дороги.
Желтый цвет – на Алькудийо,
Поле, мертвое от солнца,
Под бескрайним синим небом.
Красный цвет для гор оставим,
Для утесов Сьерра-Мадре.
И немного еще белый –
Для героя шевелюры
(Что диковинка в Кастилье,
Потому он Начо Бланко),
А чтоб в такт нам ехать было,
Заиграем самакуэку –
Страсть, что смешана с весельем:
Без заботы и без горя.
Что за горе у пикаро?
А забот и быть не может,

⁴ Лоа – песня, исполнявшаяся перед представлением.

Ежли двор есть постоялый,
Где сиесту проведем мы
Под винцо (чуток с кислинкой,
Да другого не достанешь).
Желтый, синий, красный, белый.
Самакуэка!

ХОРНАДА I⁵.

О том, как я стал богаче на два эскудо⁶ и на одного рыцаря.

Ну где, скажите на милость, слыхано, чтобы осла – осла! – звали Куло? Осел и без того – скотина из последних, хуже галисийца, честное слово. Ну, а если его (осла, не галисийца) еще и кличут Задницей!..

Вот и влип. Не осел, конечно. Я влип. Влип, а точнее, застрял аккурат посреди Алькудийских, будь они трижды неладны, полей. Картинка что надо: жарынь, на небе – ни тучки, спрятались поди, на горизонте – тридохлых ветряка, а вокруг – овцы, овцы, овцы, серые такие. И тоже полудохлые от жары. Ну и мы с ослом. Который Куло.

Знал я, знал, что обманет Одноглазый Пепе! Глаз-то один, а как глянет... Я ведь у него честно выиграл, у него «десять» выпало, у меня «одиннадцать». Так он, мерзавец, вначале отыгаться хотел. В карты, в «королевство». Ну, я-то в карты не игрок, пусть в них французишки, которые их и выдумали, играют. Кости – другое дело, вот в кости я его и обставил.

⁵ Хорнада (la jornada) – по-испански означает путь, проходимый в течение дня, и акт в пьесе.

⁶ Эскудо – золотая монета. В одном эскудо было тринадцать реалов, в одном реале – тридцать четыре мараведи, в одном мараведи – два бланко. Средний ежедневный заработок ремесленника – тридцать мараведи.

Честно – на пять серебряных реалов. Ну, а он, Пепе-поганец, как с картами не обломилось, всучил мне осла, вот этого самого Куло. Вместо денег. А мне ехать было самое время, вот я сдуру и согласился, тем более осел вроде как ничего, серый, даже с колокольчиком. Подкованный притом, ровно не осел – мул какой-то.

Ну и влип.

Вначале эта скотина идти не хотела. Ну совсем никак. Ни с выюком, ни без выюка. Потом пошла, но не на юг, к Севилье, а на север, не иначе в мою родную Астурию собралась. А когда мы, наконец, как-то поладили – захромала. Подкова, оказывается, у этого Куло на одном гвозде висела.

И вот, пожалуйста: полдень, жара, Алькудийские поля, а впереди – харчевня Молинильо, последнее место во всей северной Андалузии, куда бы мне хотелось заглянуть. Во-первых, винишко там дрянь дрянью. Во-вторых, тамошней ольей⁷ только крыс травить, в-третьих...

Ну, да что там! Деваться-то некуда. Только и осталось, что Пепе Одноглазого сердечно помянуть, Задницу этого до ворот дотащить, стреножить, чтобы не похромал, куда не следует...

Уже на крыльце понял – быют. Да не просто, а от всей души. Визг женский, крики, а перерывах «бух-бух!», «бух-

⁷ Олья – национальное испанское блюдо, нечто вроде подогретого винегрета.

бух!». И громко так! Мне даже показалось, что по железу колотят. Вроде как в кузнице. Взялся я за ручку дверную...

– Сеньоры! Ради Господа, сеньоры! Не трогайте его!

Бу-бух!

Ясно! Лупят, и славно лупят. И вроде как действительно по железу. Но не в кузнице, это уж точно. Душевное это местечко – заведение папаши Молинильо!

А как вошел, как огляделся...

– Не трогайте, не трогайте его!

Его – которого лупят, понятное дело. Длинный такой дядька, худой, поперек пола неметеного разлегся, встать пытается. Да где там! Рядом трое, чернобородые, в шароварах цветных, в платках пестрых...

Бу-бух!

Ах вот оно что! Дядька-то в латах. Вот почему я о кузнице подумал! Как они еще ноги себе не отбили? Башмаки, конечно, тяжелые, и подметки деревянные...

– Не трогайте его, сеньоры! Сеньор, сеньор, заступитесь!

Вот и дама! Да не простая, в дорожной маске⁸, плащ не какой-нибудь, гемуэзский, сразу видно. Неужели без слуг? Ага, и слуга имеется, вон он, к стеночке прижался, мешать не хочет...

⁸ Дорожная маска – суконная маска с отверстиями для глаз, служившая для защиты от холода и пыли во время путешествия. Такие маски носили только знатные лица.

Бу-бух!

Служаночка-козочка тоже подальше отошла, глазенками лупает, а папаша Молинильо, само собой, за стойкой, кружки протирает. И не видит ничего, и не слышит...

– Сеньор, сеньор, ради Девы Святой, вмешайтесь, они же его убьют!

Кажется, это мне. Я даже оглядываться не стал. Хватит с меня и Задницы. Мне бы кружку кислятины здешней пропустить, да Куло подковать...

– Сеньор!!!

– Ладно! – вздохнул я. – Эй, парни, вы там прервитесь, мне пройти надо!

Прервались. Прервались – и плохо так на меня посмотрели.

Они – на меня. Я – на них.

Все ясно, гуртовщики из Месты⁹. И одеты сходно, и плащи-сайяли в углу грудой свалены. Это мне все ясно. А им?

– Тебе что, парень, тоже захотелось?

– Мне? – восхитился я.

Дагу, что у пряжки висит, даже поправлять не стал. Не слепые, заметят. И дагу, и белый платок на голове, и поясок-агухету с бляшками, и серьгу в левом ухе – серебряную.

– А-а, с Берега, что ли? Ну, проходи! Эй, ребята, пошли

⁹ Места – сообщество скотоводов Кастилии, фактически – мафия. Имела свои вооруженные отряды.

хлебнем по кружечке!

Заметили! Они, конечно, Места, ну, а мы – Коста¹⁰. Тоже не сушеные тараканы.

Звякнуло, грекнуло. Этот дядька, который в латах, отползти пытался. Поглядел я на него...

– А ему нальем?

– Ему? – хором-басом. – Ему?!

Между тем наш латник умудрился перейти на четвереньки. Плохо это у него получалось. В латах оно не очень удобно, к тому же левая рука...

Всмотрелся я, присвистнул, головой покачал.

– Так он же калека! Вы чего, парни, калек бить начали?

– Видел бы ты этого калеку! – возмутился кто-то, но уже тоном пониже. Отходчивые они, здешние гуртовщики.

Пойло оказалось пойлом, олья – ольей, парни из Месты – парнями из Месты. Не лучше и не хуже. Зря о них всякое болтают, будто и разбойники, и грабители. Обычные гуртовщики, спокойные даже – если, конечно, ближе чем на лигу¹¹ к ним не подходить. Ну, мы-то, ребята с Берега, их не боимся. У нас с Местой вроде как перемирие.

В общем, выпили по пол-асумбре¹², кружками стукнулись

¹⁰ Коста – от слова «берег» (costa – исп.). Сообщество кастильских и арагонских контрабандистов.

¹¹ Сухопутная лига – 4, 83 км, морская – 5, 6 км.

¹² Асумбре – чуть меньше литра.

ради знакомства.

– Начо Бланко к вашим услугам, сеньоры, – сообщил я. – А назовете Бланкито – в ухо дам!¹³

– Это который Бланко? – поинтересовался самый борода-тый. – Который от Пабло Калабрийца?

Слышали! Тесен мир!

– Так ведь, Начо, или мы сами не видим? Калека он, понятное дело, мы калек и пальцем не трогаем. Так и сидел бы тихо! Мы, значит, зашли, винца спросили, я козе этой, служанке тутошней, леща дал, как водится, а он...

«Он» – тот самый латник. Меч выхватил, заорал...

– И ведь чего, заорал-то? Уйдите, мол, людоеды, от прекрасной инфанты! Мы-то людоеды? Обидно даже! А инфанта... Тьфу, и сказать стыдно. Ну как такого не отделать?

Защитника прекрасных инфант мы усадили на лавку, вручив кружку все той же кислятины. Я почему-то ждал, что дама, которая в маске, к страдальцу тут же подбежит – платочек к синякам прикладывать. Ан нет, вина заказала (не здешнего – неаполитанского) и в сторону отвернулась. Вроде как не интересно ей стало.

...Неаполитанского! Обидно даже. Сколько по Кастилии¹⁴

¹³ Бланко – белый, бланкито – беленький.

¹⁴ Кастилия – в описываемое время единой Испании не существовало. Кастилией правила королева Изабелла, которая была замужем за Фердинандом, королем Арагона.

нашей да по Арагону ездил, ни разу приличного винца не выпил. Местного, то есть. А все мавры, будь они! Вот и приходится сеньорам важным, у кого золотишко в кошельках позвякивает, неаполитанское пить (нам с Калабрийцем забота!). Говорят, посадили виноградники в Малаге и в Хересе, но когда еще они вырастут! Да и вырастут ли?

Ну, неаполитанское – это для господ. Нам и кислятины хватит.

А между тем сеньоры гуртовщики...

– Да знаю я его, калечного! – это уже другой, тоже бородастый. – Ему башку под Малагой отшибло. Ездит где попало и принцесс с инфантами защищает. А как кто не понравится, словами плохими обзывается. Мол, великан злобный, или как сегодня, людоед. Или там, колдун. Добро бы обзывался, так ведь драться лезет. Железо хватает!

«Железо» – старинный, в пятнах ржавчины меч, мы закинули в угол. Тяжеленный оказался!

Слушать про чудачества этого железногобокого пришлось довольно долго. Мой Куло никак не хотел подковываться, к тому же жара аж через ставни закрытые заползала. Даже здешняя оля показалась мне лучше тамошнего пекла. Спешить я особо не спешил, осел мой – тем более, так что можно и в холодке посидеть, про борца с великанами послушать.

– Таких, как он, Начо, вообще на цепи держать надо. Идальго странствующий, понимаешь! Да пес с ним, с рыца-

рем, прости Господи, этим. Ты лучше расскажи, что у вас там нового на Берегу?

Спросил, называется! Это все равно если бы я поинтересовался, что нового у ихних овец. Стадо сюда, стадо туда, тут волки, там собаки. И у нас, на Берегу, все то же. Тартана с Сицилии, фелюга с Корсики. И волки с собаками, опять же.

Ну, мы люди вежливые, ответим.

В общем, приятная вышла сиеста.

Свой закон есть у пикаро:

Коль живой – живи минутой,
Кто считал, осталось сколько,
Если ходишь ты по краю?
Все – твои! Винишко в кружке,
В миске – олья иль поэлья¹⁵,
А за стойкою девчонка
В безрукавке, в юбке пестрой,
Не отходит, строит глазки.
Много надо ли живому?
Не откладывай не завтра!
Может, завтра ждет веревка,
Может, зыбкая пучина
Над башкой сомкнется шалой,
Иль тебя вдогон достанет
Мавританская стрела?

¹⁵ Поэлья – блюдо, напоминающее олью, но с добавлением сыра.

Сквозь ставни раскрытые прохладой вечерней веет, сеньоры гуртовщики только что откланялись, слуга, тот, что при сеньоре, которая в маске, вещи стал укладывать. Пора и мне. Не ночевать же в здешнем сарае! Как раз по холодку до «Черного петуха» доберусь, а там и винцо получше, и служаночка, хоть и не инфанта, а не в пример смазливее.

– Эй, ты!

Эй, я?

Да-а-авненько ко мне так не обращались! В последний раз в Триане это было, как раз зимой, полгода назад. Тогда одному арагонцу здорово захотелось подраться...

– Тебе говорю. Моя барыня тебя видеть хочет!

Ну конечно! Герой-слуга, тот, что к стеночке прилип, когда парни латника-горемыку обрабатывали. Отлип, выходит?

Поглядел я на него, хотел слово доброе сказать. Не сказал. Из любопытства. И в самом деле, на кой бес я этой, в маске, сдался? Даже интересно.

– Чего сеньора изволит?

Кланяться не стал – спина отчего-то закаменела. Да и то, будь эта барынька годков на двадцать помоложе...

– Вы... Вы, я вижу, храбрый молодой человек.

И на том спасибо. Теперь и поклониться можно. Слегка.

– Спасибо, что защитили этого... этого сеньора.

Странное дело, она вроде как волнуется? Маска маской, а

вот пальцы не скроешь. Платочек, тот, что в руках, вот-вот треснет...

– У меня... У меня к вам просьба. Этот сеньор... Он болен, ему нужно помочь. Вы не взяли бы... Сама я не могу, мне ехать надо. А вы могли бы заработать...

Заработать? Она что, меня за погонщика мулов приняла?

– Я – пикаро, досточтимая сеньора, – пояснил я. – Пикаро, да будет известно вашей милости, не работают.

– Пикаро? Ах да, конечно...

Каждому званию – свой почет. Сеньоре в маске ездить дозволено, а такому, как я...

– Ну... вы могли бы слегка... подработать.

Тут я не выдержал – улыбнулся. Знает! Мы, пикаро, не служим, не работаем. Прирабатываем, если что, перехватываем, где придется – или деньгу сшибаем по-легкому. Работать же – увольте. Мулы пусть работают!

– Да-да, молодой человек, подработать...

А платочек-то! Бедный платочек! И с чего бы ей так волноваться?

– Я вам заплачу! Два эскудо, золотом. А там, куда вы его отвезете, вам заплатят еще столько же. Это не так далеко, по дороге в Севилью, там живет его дальний родич. Там этому сеньору помогут, ему лекарь хороший нужен, вы же понимаете...

А вот и денежки. И письмецо. Когда только написать успела? На письме – адрес крупными буквами. Это чтобы я, зна-

чит, не спутал.

– Вы... вы ему поможете?

Оглянулся я, на героя железнобокого взглянул. Сидит на лавке, где его и посадили, ложку в блюдо с ольей тычет. Бороденка-мочалка вниз свисает, все той же ольей заляпана. Оно, конечно, и помочь можно – за четыре-то эскудо. Тем более мне по пути, крюк совсем небольшой, в полдня всего.

– Вы же понимаете, он как ребенок...

Я кивнул, соглашаясь, и вдруг понял: что-то тут немного не так. То есть, совсем не так. Ну, скажем, пожалела барынька этого бедолагу – бывает. И к месту определить решила, с верным человеком направить, золота не пожалела. Тоже случается, конечно. Но странное дело, за весь разговор ни одного имени не помянула. Ни своего, ни идальго этого ушибленного. Не знает? Тогда откуда ей ведать, где родичи его проживают? И моего не спросила. Да как же так? А может, я первый в округе разбойник-душегуб?

– Так вы согласны?

И снова платочек безвинный терзает! Да с чего ж это ей так волноваться?

Подумал я чуток, на горемыку этого поглядел, снова подумал.

Согласился.

И тут же пожалел. Будто мне одного осла мало!

Поблагодарила барынька, платочек спрятала, слуге свое-

му наглому кивнула.

И нет ее! Растворилась словно.

И остались мы с бедолагой идальго вдвоем. Это, конечно, если папашу Молинильо не считать, но он и за шкаф посудный сойти может.

Поглядел я на свои эскудо, в руке взвесил, даже на зуб попробовал...

Вот уж не знаешь, где счастье найдешь!

Два эскудо – деньги. И немалые – двадцать шесть реалов, а в мараведи если – то вообще, бесова уйма. Где-то столько мне причитается с каждого плавания – ежели серые волки под латинским парусом не нагонят, конечно. Это мне причитается, я ведь у Калабрийца правая рука, другим же и по полудюжине реалов за глаза хватит. Так что, считай, к Корсике на фелюге сходил. Вот если бы к золоту еще герой благородный не прилагался...

Поглядел я в окошко – пора. До «Черного петуха» еще ехать и ехать.

– Ваша милость! А, ваша милость?

Услышал? Услышал, вроде. Бороденкой свой заляпанной качнул, пустую миску на лавку поставил.

– Увы мне, увы!

И вздохнул. Грустно так, жалобно. Даже меня проняло.

– Ехать надо, ваша милость!

– Увы... Вновь не по силам мне оказался подвиг. Поистине тяжек путь странствующего идальго! Однако же муже-

ство поистине превозмогает все препятствия, о чем засвидетельствовал жизнью своею благородный сеньор Ланчелоте, справедливо прославивший первым рыцарем всех времен...

Слушать дальше я не стал. Кликнул служанку, сунул ей медяк, и принялись мы сеньора рыцаря в путь собирать. Меч-то я сразу нашел, а вот за шлемом пришлось за стойку лезть. Шлем тоже старым оказался, мятым, словно топтались по нему – да еще и французским. Смех, а не шлем! Такие лет сорок тому носили, а то и все полвека. Я понадеялся было, что это все, да где там! Ко всему еще полагалось копье – тяжелое, с треснувшим древком. Оно все это время в углу простояло, я его даже не заметил – за оглоблю принял. Взялся я за это копьцо – и тут же занозу в ладонь вогнал.

А когда я узнал, что у сеньора рыцаря имеется еще и конь, то только вздохнул. Если латы таковы, то коняга, не иначе, самой Бабьеке¹⁶ бабушка двоюродная.

Как выяснилось – нет. Приличный конек оказался. Упряжь, правда, чуть ли не из мочалы, а так – ничего. Во всяком случае, если и старше меня, то не намного. Только маленький очень. Сеньор рыцарь даром что тощий, зато длинный, с собственное копье ростом – брас с четвертью, не меньше¹⁷. Ну, ничего, сюда приехал, значит и отсюда сподобится.

Ну, все? Кажется, все!

– Ваша милость, пора!

¹⁶ Бабьека – любимый конь Сиды Компеадора (XII век).

¹⁷ Брас – 1, 57 м.

И снова вздох — такой же тяжкий. Борода-мочалка дрогнула.

— Стоит ли тебе, о юный эскудеро, пускаться в столь опасное странствие? Поверь, я не сомневаюсь в твоей смелости и честности, однако же путь странствующего рыцаря поистине труден...

Я невольно оглянулся, пытаюсь найти того, кому предназначена эта тирада. Не нашел. Оставалось признать очевидное: юный эскудеро — это я.

— А посему мой долг предупредить тебя, о отважный оруженосец...

Слушать дальше не стоило. Я не без труда приподнял благородного идадьго за плечи...

— ...Что путь мой отмечен не столько славою, сколько горестями, кои нет у меня делить охоты с теми, кто не принимал обета странствия.

На двор я его все-таки выволок. И даже на коня взгромоздил. Служаночка тем временем копье подтащила, я ее за ухо потрепал. А вот и мой Куло. Отдохнул, Задница, аж бока залоснились!

Все из-за тебя, зараза!

Ну, едем?

— Однако же ежели ты и вправду решился разделить со мною и все трудности, и славу...

Едем!

Договорил он уже за воротами. Что именно — я даже и не

понял. Что-то про того самого сеньора Ланчелоте. Чем-то ему это сеньор ко двору пришелся. Не иначе, родич.

Оглянулся я, вздохнул. Хорошо! Отдохнул, жару переждал, за поясом золотишко позвякивает. Если бы еще не этот...

Ладно, раз уж так выпало!

– Меня Начо кличут, ваша милость. Начо Бланко, а еще Начо Астурийцем.

Вначале показалось – не понял. Задумался, шлем свой мятый-давленный поправил.

– Поистине, Начо, Астурия – земля истинных идадьго! И горд я тем, что предки мои – тоже оттуда, из славного города Овьедо...

Поглядел я на него – уже совсем по-другому. То-то мастью он такой светлый, почти как я! Астурийца узнать легко. Меня ведь потому Бланко прозвали – Белым, то есть.

– Сам же я родом из Эстремадуры, из селения Охоно, что возле берега славной реки Тахо. Зовут же меня Алонсо Торибио-и-Ампуэро-и-Кихада...

Я чуть не подавился. Это что, мне все запоминать придется?

– ...Однако же с недавнего времени принял я имя Дон Саладо, как и надлежит странствующему рыцарю...

Я покосился на его шлем. Дон Саладо! Хорошо еще, не Дон Сомбреро!¹⁸

¹⁸ В данном случае «сомбреро» (sombbrero – исп.) – не сомбреро, а просто шля-

В общем, познакомились!

Так и ехали мы рядом,
Я да он, да конь впридачу,
Да осел паскудный Куло.
Рвался к подвигам мой рыцарь,
Погонял конька-беднягу.
Мой осел спешил к кормушке
Я один не торопился.
Я не рыцарь, я – пикаро,
Мне спешить – так только к плахе.
Прожит день – и слава Богу.
(А срубил деньгу – тем паче!).
Всех монет не переловишь,
Но за пригоршню эскудо
Можно стать и эскудеро.
А что дальше – жизнь покажет.

ХОРНАДА II.

О том, как мы бросили вызов нескольким злобным великанам.

– Великаны же из них всех поистине наиболее зловредны! – уверенно заключил Дон Саладо, тыча в горячее небо длинным костлявым пальцем. – Однако же, Начо, колдуны тоже весьма и весьма опасны. Но – по-иному.

– Вам виднее, рыцарь, – вздохнул я, дожевывая последний кус ветчины. – Кто бы спорил, я не стану.

И действительно, спорить с доблестным идадьго оказалось совершенно бессмысленно. Это я понял быстро. Как и многое другое.

– Есть еще вино, сеньор, – напомнил я. – Неаполитанское «греко». Вы бы глотнули – жарко!

Жарко! Это еще слабо сказано. Хорошо еще, мы наткнулись на эти деревья, каким-то чудом выросшие прямоком у дороги. Какой-никакой, а тенек, значит, и перекусить можно. И выпить.

На «греко» это я его раскрутил еще в «Черном петухе» (чем я барыньки хуже?). Двадцать мараведи за кувшин – помереть можно! Тем более, моему идадьго, кажется, было совершенно все равно, что есть и что пить. Ему все равно, но мне-то нет. Оно конечно, но двадцать мараведи! Тем более,

чуть ли не последние его мараведи.

Щедр оказался борец с великанами. И добр. И даже покладист – в некоторых вопросах. А вот во всем остальном...

– И пусть не говорят, Начо, что странствующие рыцари безрассудны, – между тем продолжил он, отхлебнув из кувшина и явно не почувствовав вкуса (а зря!). – Это совсем не так. И пусть не удивляет тебя, что я принимаю отнюдь не каждый вызов...

Я чуть не поперхнулся. Отнюдь не каждый! Ну, знаете!

Первым, кто бросил вызов славному идальго – почти сразу же за воротами заведения папаши Молинильо – была отара овец. Даже без пастуха, не иначе не проснулся еще, лежebока, после сиесты. Мирные такие овцы, разве что от жары слегка очумелые. Так это для меня они мирные. Не успел я опомниться, а копьe у Дона Саладо уже наперевес, глаза огнем горят-пылают. Миг – и с воплем «Святой Яго! Рази Испания!» (бедный мой Куло от страха ветры пустил) славный идальго ринулся сокращать местное поголовье.

Ну, остановил я его. Ну, отобрал копьe.

За овцами последовала телега с какими-то сонными поселениями, за телегой – стая ворон...

В общем, вовремя барынька эта, которая в маске, меня в няньки наняла. А то не доехать бы моему Дону Саладо даже до «Черного петуха». Вороны-то его, может, и не заклевали бы...

...То есть, не вороны, конечно! Это для меня, доблестей рыцарских не разумеющего, они – вороны. А на самом деле – гарпии. Это, значит, тоже птички, только с клювами стальными и с перьями вроде арбалетных болтов. И овцы – не овцы, а огромная толпа ведем, что на шабаш собрались. А телега оказалась то ли драконом трехглавым, то ли тремя драконами сразу.

(Телега-то ладно! Сегодня утром доблестный идалго все порывался к ветряной мельнице свернуть. Плохо так на нее поглядывал. Ну, туда я его не пустил. Еще не хватало!)

А уж когда мы к «Черному петуху» подъехали!.. Ну, это разговор отдельный. Хорошо еще догадался я в этот «великанский замок» на разведку напроситься – напрямик в стан вражий. Хоть предупредить успел, чтоб народ не слишком нашему явлению удивлялся. А как меня после этого мой рыцарь хвалить начал! Мол, герой, не побоялся в самое великанье логово наведаться.

Да-а-а, боком мне мои эскудо выйдут! То есть, уже выйдут. Особенно ежели...

– ...Особенно ежели, Начо, опасность грозит прекрасной даме или же ребенку. И вот тут рыцарь должен быть непреклонен! Что раны, что смерть? Это и отличает истинного идалго от презренного ландскнехта-наемника, который продает свою кровь за горсть серебра.

...От меня, значит.

– Увы, Золотой Век давно позади, Начо! Минули времена

доблестного короля Артуро, великого рыцаря Ланчелоте и славного Сиды Компеадора! Видят мои глаза закат, и я молю Господа, дабы не узреть мне черную ночь!

Я бы поспорил, конечно – насчет Золотого Века. Это у нас в Кастилии он минул, а в Арагоне – в самом цвете. Тот тамошние поселяне всех этих Ланчелоте так и норовят на вилы поднять. А случается – и поднимают.

Поспорил бы – но не стал. Уж больно рыцарь показался мне хорош. Глаза сверкают, борода-мочалка торчком, усы, тонкие, с легкой проседью – и те дыбом встали.

Орел!

Копье я ему все-таки не отдал – объяснил, что эскудеро, мне то есть, его носить положено. Я бы и меч отобрал – подалеже от греха, – но тут уж точно бы не вышло. Так и поехали дальше: я с копьем (ну и видок же у меня со стороны!) и славный идалго Дон Саладо – налегке. Не спеша поехали. Мой рыцарь-то в седле скверно держался – калека, да и видел плохо – шагов на двадцать вперед, не больше. А у меня свой расклад имелся. Очень не хотелось дуриком через некий городок проезжать. Городок-то ничего, а вот алькальд¹⁹ тамошний меня слишком хорошо знает. Повесить – не повесит, но...

...Но зачем мне лишние расспросы? Если даже те бородачи в харчевне знают про Пабло Калабрийца! И про меня,

¹⁹ Алькальд – глава городского управления и одновременно – судья.

раба божьего, слышали. Так что с королевской стражей (да и со Святой Эрмандадой тоже²⁰) лишний раз встречаться резону нет, особенно ежели золото при поясе, и этот чудило в латах рядом.

В общем, у Черного Распятия свернули мы налево, на Старый Тракт (его еще Пыльным называют). Кажется, мой рыцарь этого даже не заметил. Да и заметить трудно – что Старый Тракт, что Новый – оба пыльные. А вокруг все то же – овцы, мельницы, полудохлые деревья на холмах...

Так и едем. Так и болтаем. То есть это сеньор Саладо болтает, а я слушаю. Или не слушаю – киваю просто. Да и что слушать? Про великанов да драконов – надоело, а с остальным – ясность полная. Воевал Дон Саладо (тогда еще, конечно, дон Алонсо Торибио-и-Ампуэро-и-Кихада) с маврами, с двенадцати лет воевал, еще при старом короле Хуане, что нынешней королеве дедом приходился, в седло сел. И – довоевался. Брал Малагу (аккурат десять лет назад это было), и надо же такому случиться – бомбарда разорвалась. Не вражеская – своя. Всех вокруг переубивало-перекалечило, и моему рыцарю досталось. Руку перебило – высохла рука, глаза опять же, а главное – башка. Отвезли его домой в Эстремадуру, выхаживали долго – да все без толку. С тех пор у него одни великаны с драконами на уме – то есть, конечно,

²⁰ Святая Эрмандада – первоначально муниципальная милиция, подчинялась лично королеве, затем – нечто вроде спецназа. В описываемое время Эрмандада выполняла также поручения Святейшей Инквизиции.

на том, что от его ума осталось. Все эти годы семья его заперти держала, а вот недавно – вырвался.

Вот так! И ведь жалко дядьку. Настоящий рыцарь, что ни говори, из тех, которые Кастилию нашу от мавров черноморских освободили. Не то, что нынешние щеголи в итальянских шелках-бархатах (те самые шелка-бархаты, что мы с Калабрийцем на фелюгах привозим – выгодное дельце!).

Одно любопытно – отчего эта барынька в маске не велела мне славного идальго напрямик домой доставить? Далеко, конечно, но ежели бы мне один эскудо прибавили...

Да, интересно!

Под вечер дорога перестала мне нравиться. Не то, чтобы совсем, но все-таки перестала. Я ведь и бывал здесь всего пару раз, и то не сам, а с ребятами Калабрийца. Когда толпой-гопой едешь, многого не замечаешь. А тут...

Прежде всего сгинули овцы. Даже непривычно как-то стало. Вроде и дорога не хуже, и ручьи встречаются... Значит, парни из Месты сюда не суются. Или не по дороге им? Так ведь, вроде, им всюду в Кастилии путь открыт, захотят – через Вальядолид стада свои прогонят!

В общем, неудобно как-то стало. А как в селеньице одно заехали – так и вообще. Селеньице-то обычное, но народ уж больно странноватый. Ни харчевни, ни постоялого двора, ворота на запоре, на окнах – ставни закрытые. И хоть бы кто в нашу сторону поглядел! Может, оно и к лучшему, потому

как рожи... Ой, рожи!

И тут я вспомнил – мавры! Самые их места тут. С большой дороги ушли, а здесь остались. Правда, не мавры уже – мориски²¹, даже церковь выстроили (ну, точно мечеть, правда, с крестом), но все равно с моей астурийской шевелюрой сюда лучше не соваться.

Да, заехали! О том, чтобы тут заночевать, понятное дело, и думать не стоило. Правда, за горкой, как я помнил, постоялый двор имеется, но до него еще добраться нужно. А ведь уже вечер! Куло, даром что Задница, приуныл, уши свои серые развесил, конек-недоросток тоже еле ноги передвигает. Поглядел я на моего рыцаря...

– Гложет меня сомнение, Начо! Ибо места сии словно созданы для засады злобных колдунов, особенно же – великанов...

Я даже спорить не стал. Горка, что перед нами – самая распаршивая. На вершине не лес – бурелом пополам с кустарником, к самой дороге подступает.

– Хоть и не верю я в предчувствия, равно как в гадание и прочую ворожбу...

– Не верите? – поразился я. – Как же так, рыцарь? В великанов – верите, в колдунов – верите?

Спросил – а сам дагу поудобнее на поясе пристроил, чтобы рукоять сама в ладонь легла. Дага – это хорошо, но вот копьё! Куда мне его девать, ежели что случится? И тут по-

²¹ Мориски – крещенные мавры.

слышалось что-то странное. Вначале подумал – дерево треснуло, затем – у Куло моего в брюхе заурчало. А после понял – это Дон Саладо смеяться изволил. От удивления я даже о дороге на какой-то миг позабыл.

– Ах, Начо! Поистине, даже самые лучшие из нынешних юношей – слепы! И я бы не верил в этих страшилищ и злодеев, ежели бы не зрел их своими собственными глазами. И хоть слабо я вижу ныне...

Хотел я вновь его перебить, присоветовать, дабы рыцарь благородный в ближайшем городишке окуляры у аптекаря заказал и не мучался – но не стал. Успею еще. В здешних местах аптекарей нет.

– ...Однако же смело могу сказать, что чудища сии и вправду существуют, ибо могу я не токмо видеть, но и слышать их, равно как осязать и даже, увы, вдыхать их мерзкое зловоние. Посему, логике следуя, надлежит мне признать их злодейское существование. Гадание же и ворожба – суеверия суть, и верить в них не велит Святая Католическая Церковь!

При этих словах Дон Саладо рискнул отпустить поводья, дабы осенить себя крестом. Я замер – этак и с седла брякнется, поднимай потом! Не брякнулся. Перекрестился. Я перевел дух.

– Даже в цыганские не верите? – не отставал я. – В смысле гадания?

Спросил, а сам вновь на дорогу взглянул. Мы уже на горку подниматься начали, кусты да коряги к самым ослиным

копытам подползать стали...

– Или нагадали тебе что, Начо?

Смутился я. Смутился – впервые за последние полгода. Иди даже за год. Скривился, рукой махнул.

– Вроде того, сеньор. Я еще маленький был. Нагадала мне цыганка две вещи. Первое – будто бы принцем стану. Только вы не смейтесь, Дон Саладо!

– Отнюдь! – бодро отвечивал рыцарь. – Отчего же смеяться, Начо? Ты молод, у тебя все впереди, отчего же не стать тебе принцем? Я же обещаю, что как только прославлюсь и одержу великую победу, то сделаю тебя для начала аделантадо²² какого-нибудь острова...

– Только не Сицилии, – вздохнул я, сообразив, что зря разоткровенничался. И перед кем?

– Отчего же не Сицилии? – бодро спросил бесстрашный идалго, но тут же прервал себя.

– Начо!

Позвал он меня уже шепотом. Костлявая рука указывала куда-то вперед. Вперед – и чуть в сторону.

Я поглядел – и помянул дьявола вкупе с ослиной задницей. Птицы! Взлетели всеором, над буреломом этим поганым кружат...

На дорогу смотреть надо было, дурак болтливый!

– Великаны! – в шепоте Дон Саладо послышалось нечто вроде удовлетворения. – Сейчас ты увидишь, Начо, что чув-

²² Аделантадо – губернатор.

ства мои и на этот раз не подвели меня...

Я уже не слушал – ни про чувства, ни про великанов. Влипли! И место какое – самое, что ни на есть убойное! Слезть с осла? А копье? Бросить?

Тьфу ты!

Я еще успел заметить, как мой рыцарь, изрядно качнувшись в седле, здоровой рукой взялся за рукоять своей железяки, прежде чем...

– ...А ну, слазь с седел! Приехали, сеньоры!

Слева, справа, спереди, сзади... Дюжина? Больше! На плечах – сайяли мехом вверх, на башках нечесаных – шапки чуть ли не из овчины. А рожи-то, рожи! Зна-а-комые рожи! Не из того ли селеньица, что внизу осталось?

– Слазь, говорю!

Вот это здешних разбойничков и губит – желание поболтать. Или покрасоваться – что одно и то же. Я бы в этих кустах сидел – так у меня и ветка бы не хрустнула, и птица не шелохнулась, и языком трепать бы не стал. Вот месяц назад, как раз на этой самой Сицилии...

– Поживее, поживее, кастильские свиньи! Первое дело – кошели кидайте, а там уж поглядим!

Посмотрел я на разбойничков – и почему-то успокоился. Ни луков у мордачей этих, ни мечей. Даже кинжалов приличных нет. Только дубины – да ножи. Кухонные.

Козопасы!

(А за «кастильскую свинью» можно и пырой в брюхо по-

лучить, мориски драные!)

– Не соблаговолите ли, любезные сеньоры великаны, точнее изъяснить ваши намерения?

Вроде бы мне и привыкнуть пора, а все равно не выдержал – рот раскрыл. Вернее, он сам собой растворился – рот. «Любезные сеньоры великаны»! Ну сказанул, дядька!

– Че-че-чего?

Кажется, не у одного меня со ртом неувязка вышла!

– Дело в том, сеньоры, – как ни в чем не бывало продолжал доблестный идальго, – что мы с моим эскудеро, благородным юношей Игнасио²³, прозываемым Бланко, изволим мирно путешествовать, отнюдь ваших великаньих владений не тревожа и добра не трогая...

Ну надо же! «Игнасио»! Мне даже понравилось.

– Однако же, коли вы из племени великанов злых, до добра чужого жадных, то не будь я благородный идальго Алонсо Торибио-и-Ампуэро-и-Кихада...

Главного я уже успел приметить – именно он про «кастильских свиней» помянул. И не зря! На башке – не шапка козья – тюрбан! Навидался я таких в Гранаде! И в Алжире навидался.

А что болтают – славно! Пусть болтают.

Пока!

– ...прозываемый ныне Доном Саладо, то не избежите вы доброй трепки. А посему вызываю я вас на славный бой!..

²³ «Начо» – сокращенная форма имени «Игнасио».

Болтайте, болтайте! А я пока считалочку вспомню. Старая такая считалочка, глупая: «Ты гуляй, гуляй, дубье! Разбегайся прочь, ворье! Первый – раз, второй – погас...»

– Бей! Бей кастильцев! Бей неверных собак!
Опомнились!
Бей – значит бей!
Бьем! Гуляй, дубье!

Завертелось, засвистело,
Заорало, закружилось,
Эх, гуляй, гуляй, пикаро!
Жалко, музыки не слышно.
Хорошо под кастаньеты
Проломить башку дурную!
Бей налево, бей направо!
Ты не сам придумал это –
Или враг откинет ноги,
Или сам лежать здесь будешь!
А убьют – что за досада?
Над пикаро не заплачут,
Но и сам не стану плакать,
Если выжить доведется!

Эх, опоздал! В жизни с копьём этим дурацким не обращался. Хотел древком навернуть...
«Ты гуляй, гуляй, дубье!»
...прямиком по тюрбану наглому. Нет тюрбана! По шапке,

что рядом... Ах, ты!

...нет шапки!

Ну, по следующему уже не промажу! Есть! «Первый – раз!...» Странное дело, когда дерусь – ни черта не слышу. Вот и сейчас – вроде бы орут, пасти свои грязные раззявливают с клыками желтыми...

«Второй – погас!...»

Кстати, как там мой рыцарь? Как бы не убили! Жив? Ой! Ай! Дьявол! Таки попали, по плечу, правда, но все же!..

«Ну, а третьему мы...» А где, кстати, третий? Третий где? Тот, кому мы, понятное дело, в глаз.

Оглянулся.

Копьем – древком стоеросовым – на всякий случай в воздухе махнул – аж просвистело... Нет, третьего! И четвертого, кстати, тоже.

Неужели все?

– Ты славно обращаешься с копьем, Начо, – одобрительно молвил Дон Саладо, невозмутимо вкладывая в ножны свою железяку. – Однако же в следующий раз советовал бы я тебе повернуть его иным концом, именно же острием...

Фу ты!

В кустах – шорох, на дороге мы с рыцарем, да конек с моим Куло, да пара башмаков деревянных вкупе с шапкой. Плечо ноет... Кровь? Нету крови, и на том спасибо. Ни на плече, ни на дороге... Да где же все? Этих ублюдков с дю-

жину ведь было, а я даже дагу не вынул...

– Они чего, убежали?

Ляпнул, не подумав. Потом, естественно задумался. Задумался, а после – изумился.

– Сеньор, это вы... вы их прогнали?

Теперь удивился он. Удивился, глазами своими подслеповатыми моргнул.

– Неужели ты хотел бы, Начо, пролить кровь этих бездельников? Поверь, навидался я великанов, и скажу, что эти – из распоследних. Посему и бил я их, как и должно – плашмя. Хоть и надел их предводитель стальные латы...

Латы? Это он что, о тюрбане?

Латы?!

Кто это хохочет? Неужели я? Действительно, обхохотаться можно. Сухорукий калека с допотопным мечом в дурацком шлеме! А я думал, этого дядьку на помочах водить придется!..

– Поистине, рыцарь, вы совершили изрядный подвиг! – отдышавшись, заметил я. – А этот... предводитель, который в стальных латах?

– Унесен был, – удовлетворенно кивнул Дон Саладо. – Под руки унесен двумя чудищами...

...А жаль! Мне бы с этим тюрбаном поговорить. И не только мне!

– ...И вновь повторю – не спасли его латы стальные дамаского закала, хоть и исцербил я о них свой славный меч...

– Покажите! – не выдержал я.

Кажется, самое время начинать лечение. Раз уж мой рыцарь столь ценит логику... Глазами не увидит, так пальцем пощупает!

Протянул он мне меч (ой, старый! ой, ржавый!), взял я железяку эту. Взглянул.

Глаза протер.

Снова взглянул...

Что за диво? Слом на стали,

Словно били по железу.

Свежий слом – никак не спутать,

Исцербилась железяка!

Я стоял, глазам не веря,

И все пальцем в нее тыкал.

Или был тюрбан железный?

Иль под ним башка стальная?

Или это просто – случай?

Так ведь не было железа –

Только шапки и дубины!

Так стоял я, дурень дурнем,

Не решаясь слово молвить.

Заревел тут мерзкий Куло –

Не иначе – рассмеялся!

ХОРНАДА III.

О том как мы с доблестным идальго участвовали в одном высокоученном диспуте.

– И что же еще тебе предсказала она цыганка, Начо? – спросил Дон Саладо, удовлетворенно отодвигая в сторону пустую миску.

Надо же, не забыл!

Я свою похлебку давно уже проглотил и хлеб дожевал, и теперь от нечего делать обзирал старый ржавый щит, висевший возле окошка. Ну и рухлядь! Как раз для моего рыцаря.

– Цыганка эта, сеньор, велела мне опасаться Святой Клары, потому как именно от нее мне смерть приключится.

– Гм-м...

Как хорошо, когда вокруг ни единой мавританской рожи! Все здесь свои, все добрые кастильцы. На первый взгляд, во всяком случае.

Здесь – это на постоялом дворе «Император Трапезундский». Я не ошибся – аккурат за горочкой распаскудной, где на нас напали, двор этот находится. То есть для меня – постоянный двор, для Дона Саладо же, понятное дело, замок. Хо-

рошо еще, не великанский! Замок, не замок, но тут уж точно – не мавры обитают. Не мавры, не мориски, не мудэхары, не эльчи²⁴. Не суются они сюда. И хвала Деве Святой!

Про мавров (они же – злобные великаны) я прямо с порога здешнего хозяина расспросил. Он даже не удивился, а ежели и удивился, то тому, как это мы с моим идалыго живыми сюда добрались. Гиблые там места, за горой. Сплошные мориски, Магомету своему паршивому чуть не в открытую поклоняются, а тех, кто мимо проезжает – в ножи. За последний год аж семеро пропало. И купцы, и просто народ бродячий, вроде нас.

Послушал я, головой покачал, перекрестился даже. А потом и удивился – слегка. Ежели мы с Доном Саладо дюжину этих душегубов разогнали, то чем другие хуже? Купцы-то без охраны не ездят, даже самые захудалые.

А похлебка тут хороша! Только у мяса вкус какой-то сладковатый.

– Однако же, Начо, – молвил рыцарь после долгого раздумья, – сдается мне, что предсказание сие не должно тебя тревожить. Не говорю уже о том, что Святая Клара никому еще не приносила зла да и принести не может, какова цена сиим пророчествам? Маги и ворожеи редко говорят правду, ибо королем у них сам Отец Лжи, коего называть мы тут поостережемся.

²⁴ Мудэхары – кастильские мавры, эльчи – арагонские.

Я пожал плечами, а самому стыдно стало. Не то, чтобы я в это все поверил, но с тех пор ни в одну церковь Санта-Клары не заходил. Вот, наверное, обижается она на меня!

А насчет этих самых магов и ворожей...

— А я слышал другое, рыцарь. Того, кого вы называть не захотели, вообще не следует опасаться. Ведь Господь всемогущ, так? Кто же против него бороться сможет? Между прочим, в старых книжках, где ад описан, сказано, что этот самый, кого мы не называем, лежит на самом доньшке в цепях, а его с боков огнем подпаливают. Это сейчас попы стали нас Им пугать — чтобы мы церкви десятину платить не забывали.

— Помилуй, Начо! — борода-мочалка недоуменно дернулась. — Кто мог рассказать тебе такое?

И действительно, кто? Зря я об этом заговорил. И с кем?

— Один... один священник. Падре Рикардо его звали. Я как из дому ушел, в Севилью попал. Мне и семи лет тогда не было. Так он, священник этот, не дал мне с голодухи сгинуть. Даже читать выучил...

— Достойный, видать, человек, — кивнул Дон Саладо. — Однако же, взгляды его...

— Да... Взгляды... — вздохнул я. — Это вы в самую точку попали, рыцарь. Точнее не бывает.

Не люблю об этом вспоминать. О чем угодно — только не об этом!

— Может, стоит спросить у здешнего хозяина вина? — поинтересовался мой идальго. — Потому как вид у тебя, Начо,

стал уж больно невеселый!

Ну, разве что вина...

Вино мы потребляли в доброй компании. Повезло – сюда, к Трапезундскому Императору, нечасто гости заглядывают – опять же из-за этих самых морисков. В этот же вечер народу собралось немало. В углу двое купчиков, из тех, что вразнос торгуют, у окошка, прямо под щитом ржавым – широкоплечий молодец в красной рубахе, а за соседним столом – толстячок в темном балахоне. Ну, и сам хозяин, так сказать, сеньор Трапезундский.

А еще служаночка. Чернявая такая – точь-в-точь цыганка. Поглядел я на нее...

Да-а-а... И чего это мне, белому, такие цыганочки всегда нравятся?

Вот она нам вина и принесла. Я нарочно по полкружки заказал, чтобы вновь ее подозвать.

Глядел я, понятное дело, не только на нее. Любопытство, конечно, грех, и грех изрядный, но чего еще делать, когда целый вечер впереди? Тем более, если не паяться, а потихоньку, полегоньку...

С купчиками – полная ясность. Ни на кого не смотрят, руки на поясах, к деньгам поближе. Шушукаются, тихо так. Ну и пусть себе. А тот, что в рубахе красной – ну чистый мясник! Ручищи – каждая с бычьей голяшку, а глаза...

Странные глаза! Или это свечной огонь в них отсвечива-

ет? Страшновато даже! А так – парень как парень.

Хозяин... Да все они одинаковые, эти трактирщики! А вот толстячок в балахоне... Так-так...

– А не спросить ли нам у хозяина, Начо, чей это славный щит украшает зал этого замка?

– А?!

Фу, ты, задумался! И действительно, отчего не спросить?

– Щит этот, любезные сеньоры, не простой щит, скажу я вам. Ибо принадлежал он не кому-нибудь, а самому императору Трапезундскому сеньору Мануэле, коий как раз двести лет тому изгнан был турками из своих земель, после чего отправился в нашу Кастилию, дабы помочь добрым христианам в борьбе со злокозненными маврами...

Хозяин прямо-таки светился от удовольствия. Кажется, он только и ждал этого вопроса. И то, зря, что ли, щит повесил?

– Предок же мой служил в его отряде. И, скажу я вам, не последним был он бойцом! И вот после злой сечи сеньор Мануэле пожаловал сей щит пращуру моему. Я же, сей постоянный двор приобретя, повесил реликвию эту, дабы все могли узреть память о давней славе.

Я покосился на Дона Саладо. Тот даже рот раскрыл, да так, что борода в кружку с вином влезла. Ну еще бы!

Слушали, конечно, не только мы. Даже купчики шушукаться перестали. Лишь парень в красной рубахе и ухом не

вел. Все так же сидел, ручищи на груди сложил, а в глазах – огоньки свечные.

– А посему, любезные сеньоры, – закончил хозяин, – давайте выпьем за всех славных рыцарей, что в нашей Кастилии жили и сейчас живут. За их доблесть да за их подвиги!

Ну кто же за такое пить откажется?

Подбежала служаночка-цыганочка, в кружки вина плеснула. Подмигнул я ей, она – мне...

Выпили!

– Однако же странно, сеньор хозяин. Не обманули ли вас с этим щитом?

Кто это сказал? Толстячок? Точно, он!

– Извольте взглянуть, сеньоры!..

Встал – чуть скамью не опрокинул, к щиту прокосолапил. А это что из-под балахона випирает? Никак кинжал носим? Дрянь, конечно, ножичек... Кто же мы такие? Меня чуток постарше, под носом усики темные, на переносице пятно, не иначе окуляры надевает...

– Сей щит, сеньоры, есть ни что иное, как *brusttartsche*, то есть грудной тарч, именуемый также венгерским. Вот, извольте видеть, здесь справа выемка, дабы сподручно было действовать копьем. Он и вправду с Востока, из Венгрии или Полонии, причем достаточно редкий, поелику упомянутые тарчи делались обычно из дерева, сей же – стальной. Однако же вошел щит этот в обиход лишь в прошлом веке, а посему никак не мог принадлежать оному императору...

– Вы, я вижу, сеньор, весьма ученый человек, – с глубокой обидой в голосе молвил хозяин. – Мы-то люди простые!

– Я лисенсиат, с вашего позволения, – гордо молвил толстячок и приосанился.

То-то мне сразу Саламанкой²⁵ запахло!

– К тому же, сеньор хозяин, ни в одной книге я не читал о приезде упомянутого вами сеньора Мануэле в Кастилию. Да и нужды в том не было, ибо только тридцать с небольшим лет назад Трапезунд был захвачен турками...

– Как вашей милости угодно будет, – вздохнул хозяин.

Мне даже его жалко стало.

– Да разве это важно, сеньоры!

Славный Дон Саладо вскочил, воздел худую руку к деревянной люстре.

– Кто бы ни был тот, чье отважное сердце защищал сей щит, он, верю, был славным рыцарем. Ибо хоть и худо я вижу ныне, рассмотреть я смог на сем щите следы лютых ударов. Кто ведает, может, был сей идальго не менее славен, чем Ланчелоте или сам король Артуро, да только не нашлось поэта, который бы воспел деяния его. А посему почтим Неизвестного Рыцаря, который этим щитом защищал нашу Кастилию и весь христианский мир! Да воссияет слава рыцарства в веках!

Уф, сказал! А хорошо сказал! Хозяин прямо-таки рас-

²⁵ В Саламанке находился знаменитый университет, в описываемое время – единственный в Испании.

цвел, купчишки переглянулись, цыганочка рот раскрыла.

Я ей снова подмигнул...

Только парень-мясник даже не моргнул. Лишь в глазах огоньки блеснули.

– А-а, это вы, сеньор, Мэлори, видать, начитались! – махнул пухлой ручкой лисенсиат.

– Простите? – растерялся Дон Саладо. – Какого Мэлори?

– Да англичанина Мэлори, – вздохнул толстячок. – Книгу его «Смерть Артура» именуемую, два года назад в Мадриде перевели на кастильский и издали. Не читали? И не советую, ибо все это – басни и ерунда! Прочтя такую книгу, поневоле пожалеешь, что сеньор Хуан Гуттенберг изобрел способ тиснения книг. Раньше такую ерунду читали в лучшем случае десятки, теперь же тысячи, а скоро, не дай Господь, конечно, миллионы. Вся эта чушь с баронами, драконами, эльфами...

– Что вы называете чушью, сеньор лисенсиат? – возопил Дон Саладо. – Рыцарство? Короля Артуро?

Эка завелись! Хозяин поближе подошел, и купчишки пересели...

Только парень все там же. Или он просто глухой?

– Да не рыцарство, сеньор, – вздохнул лисенсиат. – Хотя и о рыцарстве можно сказать не только хорошее. Сейчас же, после изобретениями бомбард и аркебуз рыцари просто смешны!

...Мочалка Дона Саладо встала дыбом.

– Да Господь с ними, с рыцарями. Настоящими, я имею

в виду. А чушью я назвал те нелепые басни, которые сейчас пишет кто не лень и, увы, издает. Вот увидите, люди скоро с ума сходить начнут. И немудрено! Ланцелот, король Артур... Да их и не было вовсе! По крайней мере таких, как пишет этот англичанин...

– Позвольте, сеньор, – не выдержал один из купцов. – Однако же Артур действительно существовал. Это все ведают!

– Кто ведает? – вновь махнул пухлой ручонкой лисенсиат. – Читатели этих, как их стали теперь называть, романов? Если этот Артур и жил, то он был не король, а обыкновенный разбойник...

Хорошо, что я был начеку и вовремя перехватил руку моего идадьго! А то быть бы сеньору толстячку если не без головы, то уж без языка – точно.

...Меч я на всякий случай положил рядом с собой – чтобы Дон Саладо не дотянулся.

– Но древние летописи... – не сдавался купчик.

– Древние? – лисенсиата явно понесло – по кочкам, по кочкам. – Единственная достоверная летопись, сеньоры, где говорится об Артуре, это книга англичанина Ненния да разве еще труд Гильдаса, тоже англичанина, хоть он, по мне, все же сомнителен. И что же там сказано? Артур, да будет вам известно, всего лишь вождь наемников, который помогал римскому военачальнику Амброзию в войне с какими-то варварами. Сей Артур и вправду неплохо бился, но зато не был чист на руку и разграбил некое аббатство, за что его от-

лучили от церкви...

...На этот раз Дона Саладо пришлось хватать за плечи.

— А все остальное — выдумки, — пухлая ручка рубанула воздух. — В «Хронике» Вильяма Малмсберийского сказано, что Артур один-одинешенек сокрушил девять сотен врагов, у Гальфрида Монмутского Артур уже король и даже, кажется, император. Ну, а после и говорить нечего... К слову, если вы так любите всякие байки, отчего бы не вспомнить легенду о том, что Артур и все его рыцари были страшными оборотнями?

— Но как же гробница Артуро? — не выдержал славный Дон Саладо. — Ибо слышал я, что найдены были кости великого Артуро и супруги его, прекрасной королевы Гвиневры и погребены были с почестями в некоем аббатстве, именуемом...

— ...Гластонбери, — маленький нос лисенсиата нетерпеливо дернулся. — А в Дувре хранится череп сеньора Гавейна, Артурова племянника, в Винчестере же — тот самый Круглый Стол... Сеньор! Чьи-то кости действительно нашли, а в Винчестерском дворце стоит какой-то старый стол. Но помилуйте, все это требует надежной атрибуции, которую, естественно, никто не проводил!

На этот раз даже мой идадьго не нашелся, что сказать. Слово «атрибуция» его, кажется, добило. Я между тем, изрядно наскучив этими высокими материями, вновь поглядел на служанку.

Улыбнулась! Эх, если бы не мой рыцарь калечный под бо-

ком да не хозяин!

Хотя...

Встал я, к двери подошел, вроде как во двор собрался. То ли воздухом подышать, то ли по нужде. В самое время вышел – сеньор лисенсиат вновь с хозяином сцепился – на этот раз из-за королевы Гвиневры.

Встал я на пороге, глазами служаночку нащупал.

Подмигнул.

Вышел...

На небе ни облачка, воздух тихий, звезды лампадками сияют.

Хорошо!

А интересно, если бы я этому мозгляку-лисенсиату про турбан да про меч щербленый рассказал? Так ведь не поверит, толстяк!

Ага, дверь скрипнула! Она. Цыганочка!

– Ой, сеньор!

Ну да, конечно, «ой!» Я, между прочим, в сторонке стоял, меня еще и найти надо было. А ведь нашла!

– Начо Бланко к вашим услугам, прекрасная сеньорита, – улыбнулся я. – Сейчас и всегда!

– Мне... Мне идти надо, сеньор! Дядя... Хозяин который, прибьет, если увидит!

Говорит, а сама улыбается. И не уходит.

– Но ведь заснет же он когда-нибудь! – усмехнулся я в

ответ. – Ночью стукни в дверь...

Задумалась. Странное дело, вроде как помрачнела. Или это из-за темноты? Кажется просто?

– Нет, сеньор Начо. Если я постучу... Или дядя постучит, или кто еще... Не открывайте! Что бы я ни говорила, что бы кто другой ни говорил... Святой Девой молю, не открывайте! И другу своему скажите!

Я только моргнул. Моргнул, рот раскрыл...

Ну и дела!

Пока моргал, пока рот закрывал...

Убежала!

Огляделся – пусто рядом,
В небо глянул – звезды в небе.
Ветерок блуждает в кронах
Где-то птица прокричала.
И не знаешь, что же думать?
Помощь звать, орать от страха?
Или просто посмеяться?

В зале все еще кости Артуровы перебивали, но мне уже не до Артуро этого было. Вновь осмотрелся, на парня в рубахе красной поглядел...

...Блеснули огоньки свечные в глазах. Аж морозом меня ударило!

А тут и комната вспоминалась – моя. Та, в которую я уже вещи забросить успел, и где мне ночевничать предстоит. На

втором этаже комнатуха, маленькая, только гроб и поставишь. И таких комнатух на втором этаже целых шесть, значит, сегодня пять из них заняты будут.

Хорошо еще, комната славного идадьго как раз напротив моей!

Или эта девчонка просто пошутить решила? Чтобы меня, нахала, отвадить?

Поглядел я на Дона Саладо, покачал головой:

– Э-э, рыцарь! Эка вас развезло! Надо бы на двор прогуляться, водички в лицо плеснуть!

А сам его – за плечи. Чтобы не опомнился.

Опомнился, но уже на крыльце.

– Но... Начо! Я вовсе не...

Я прикрыл дверь, по сторонам поглядел.

– Слушайте...

Выслушал, вздохнул...

– Так и сделаем, Начо! Однако же если твои сомнения основательны, не должно ли нам предупредить остальных?

– О чем? – вздохнул я. – Что девчонка не велела мне дверь открывать? А если это правда, представляете, что с ней сделают?

– Но что же?..

– Увидим, – перебил я. – А вдруг все это байки? Как те, про короля Артуро?

– Ах, Начо, Начо, – укоризненно молвил рыцарь. Молвил, головой качнул. – Не будь таким маловером! Хотя должен

тебе заметить, что щит, с которого и начался наш горячий спор, действительно не такой старый. Думаю, лет восемьдесят ему, но уж никак не больше.

Я не выдержал – улыбнулся.

Проверил щеколду – ничего щеколда, держит. Дверь посмотрел – крепкая дверь, сразу не выбьешь.

Только бы рыцарь мой не сплеховал! Прибегут, закричат, что в двери шайка злых великанов ломится...

Вытащил дагу из ножен, провел пальцем по острию...

Хороша, сам точил!

А, может, ерунда все? Не любит эта цыганочка заезжих ухажеров с серьгой в ухе – и отваживает?

В доме тихо, в коридоре тихо...

Даже мыши не шуршали,
Не скреблись под половицей,
И не лаяли собаки –
Тихо-тихо, как в могиле.
Потолок в побелке новой,
Черный крест над изголовьем –
Будто в склепе я ночью,
Словно бы меня отпели!
Гаснет свечка, салом пахнет,
А я вспомнил почему-то
Мясника в рубахе красной,
Огоньки в его глазах.

ХОРНАДА IV.

О том, как мы с рыцарем провели ночь на постоялом дворе.

– Сеньор! Сеньор Начо!

...Ее шаги я услышал еще внизу – быстрые, легкие. Затем ступени проскрипели, те, что на второй этаж ведут.

– Это я, откройте!

Шепчет цыганочка, да как-то громко шепчет. Или это слух у меня такой сделался?

Час прошел, не больше, как я дверь закрыл. Тихо было в доме. А я и глаз не сомкнул – слушал. То шаги мерещились, то скрип дверной, то вообще что-то несусветное. Но – нет.

И вот – пришла.

– Сеньор Начо! Вы спите? Откройте, а то дядя проснуться может, от строгий очень... Сеньор!

Уже не шепчет – в полный голос зовет.

Молчу.

Молчу, а сам себя дураком обзываю. Когда ж такое было, чтобы девица сама ко мне стучалась, а я...

Узнают – засмеют, прохода давать не будут!

– Сеньор Начо! Это же я пошутила, чтобы вы дверь не открывали! Пошутила! У вас такое лицо было! Откройте, я и денег просить у вас не стану, вы – парень видный, сразу

ясно – из города.

Молчу. А сам эту цыганочку, как есть, представляю. Всю! Огонь-девчонка, такую на всю жизнь запомнишь. Эх, дурень, дурень! Может, ну его все к бесу? Одна она в коридоре, точно! Открыть? Открыть, ее впустить, снова дверь на щеколду...

– Сеньор Начо!

И открыл бы! До того глупыми собственными страхи-ужасы показались. До того ее голосок сладким был! Да в последний миг, как рука уже к щеколде тянулась, о рыцаре моем непутевом вспомнил. Поди тоже не спит, слушает. Открою дверь – на выручку кинется. Вот смеху-то будет! Да и вроде как пообещали мы друг другу заодно держаться. Посмотрит на меня, вздохнет: «Эх, Начо!»

И так стыд, и этак. Пусть уж лучше думают, что сплю. Умаялся, на Куло этом поганом весь день сидючи...

– Сеньор...

И снова шаги. По коридору, вниз по лестнице...

Ушла!

Ох и дурак же я! Хорошо еще, не узнает никто. Мой идальго с Пабло Калабрийцем знакомства не водит... Чуть не сплюнул я от досады, да вспомнил, что плевать в доме – непотребство последнее. Ладно, потом плюну. Утром.

Лег на кровать, даже раздеваться не стал, дагу спрятал, руки за голову закинул...

А так хорошо вечерок начинался! И от ублюдков-морис-

ков ушли, и винцо неплохое, и похлебка (хоть и мясо сладковатое почему-то).

Заснул.

И только тогда проснулся, когда в дверь стукнули.

Не в мою – в ту, что напротив.

– Сеньор рыцарь! А сеньор рыцарь!

Хозяин!

Тут у меня весь сон и пропал. Вместе со стыдом.

– Сеньор рыцарь! Не соблаговолите ли дверь открыть?

Ухо к двери – дышат. Громко дышат. То ли один, то ли двое, то ли больше даже. А сколько именно – не поймешь. Толстые доски!

– Сеньор рыцарь! Покорнейше прошу извинить, но без вас ей-ей не обойтись. Вы бы дверь отворили, надолго я вас не задержу...

Хоть бы дядька мой не отзывался!

– Что вы, сеньор! Вы отнюдь меня не потревожили, ибо не спал я еще. Помочь же я вам – всегда сердечно рад, ибо в том и состоит долг каждого идадьго...

Фу ты! Молчи, дурень сухорукий, молчи!

– ...Но дан мною обет крепкий не отворять дверь сию до рассвета без крайней на то надобности, а обет я не нарушу вовек. А ежели хотите спросить о чем, то спрашивайте, сеньор...

Слава Богу!

– Эй, сеньоры, а до утра отложить нельзя? Ночь на дворе!

А это кто недовольный такой? Ба, да это же сеньор лисенсиат! Точно, его комнатуха рядом, чуть левее.

Слушаю – дышат. Один? Двое? С одним хозяином справиться немудрено, он уж точно – не Ланчелоте!

– Прошу прощения у высокоученого сеньора, но прошу войти в мое незавидное положение. Вышел спор у меня с одним из постояльцев...

Интересно, с кем? С одним из купчиков? Или с тем, у кого в глазах огоньки отражались? Вот уж не думал, что он спорщик!

– А всему виной, сеньоры, тот разговор, что вели мы все вместе весь вечер. Спор же наш – о рыцарстве, и только вы, сеньор идальго, разрешить его способны. До утра же ожидать никак не можно, ибо постоялец сей намерен пуститься в путь еще до рассвета...

...Это кто же тут такая пташка ранняя?

– Спор о рыцарстве – поистине наилучший спор! – бодро отвечал мой рыцарь. – И рад я буду разрешить его в меру способностей моих. Так что спрашивайте, любезный сеньор, сколько душа ваша пожелает. Дверь же не открою и всем иным то же советую...

Я даже крякнул – молодец рыцарь! «Иным то же советую»! Все понял!

И чего ж только такому умному все великаны с людоедами мерещатся?

– Что же, сеньор, пусть так и будет, – в голосе хозяина – обида самым краешком. – Однако же лучше бы вы все же дверь отворили, ибо мешаем мы спать вашим почтенным соседям...

– Да замолчите вы! Нашли время. Я спать хочу! Спать, ясно?

Эге, снова сеньор лисенсиат!

– Первый же вопрос, что нас озадачил, в том состоит, какого из рыцарей, в землях христианских живших, надлежит почитать первым из всех?

– Вопрос сей и вправду занимателен, – тут же отозвался мой идалго. – Знаете вы, любезный сеньор, конечно, об Артуро и Ланчелоте, первыми рыцарями в мире почитаемыми. Однако же слышали вы и иное мнение, ибо слишком давно жили эти великие герои, а посему подвиги их иной раз с баснями сходны...

– Да прекратите вы! – сеньор лисенсиат уже на крик перешел. – Вам что, делать больше нечего? Я спать хочу!

Эге! А что там в коридоре? С ноги на ногу преступили? Что-то ног слишком много!

– А посему скажу иначе, – как ни в чем не бывало продолжал хитроумный Дон Саладо. – Первым рыцарем почитать должно Готфрида Бульоно, что Крест Святой над славным городом Иерусалимом водрузил. Вторым же...

– Я сейчас дверь открою! – голос сеньора лисенсиата от злости аж задрожал. – Открою – и вздую вас, болванов, кля-

нусь Черной Девой Саламанкской!

– ...Вторым же назову я императора Карла, первого сего имени, называемого французами Шарлеманем. Третьим же – Сидо Компеадора, с маврами храбро бившегося. И таким мой ответ будет...

– Все? Ну слава Деве Святой! – сварливо отозвался лисенсиат.

– Простите, сеньоры, – вздохнул хозяин. – Но у меня еще один вопрос будет. Какая рыцарская добродетель вами выше всего ценится? Только, сеньор рыцарь, вы и вправду впустили бы меня, что ли? Ведь соседи ваши почивать желают!

И снова – с ноги на ногу переступили. Да не с одной, не с двух...

– Славный вопрос! – согласился Дон Саладо. – И охотно я отвечу, ибо сей предмет всегда был близок сердцу моему. Дверь же открывать не стану, ибо дал я крепкий обет...

– А вот я не давал! – взвыл от злости толстячок-лисенсиат. – И если вы еще слово скажете!..

Ах ты, бес! Предупредить? Обождать еще? Мы-то отсидимся, а завтра сюда новые бедолаги приедут...

– Ответ же мой, любезный хозяин, вот в чем состоит. Для рыцаря все добродетели любезны и глубоко почитаемы, прежде же всего – преданность вере Христианской. Однако же имеются некоторые, для рыцарей особо важные. Первой назову я верность, второй же – бесстрашие. Но пуще всего ценю я милосердие к ближнему, ибо в чем долг рыцарский

состоит, как не в защите ближнего своего?

– Как прекрасны ваши слова, сеньор! – воскликнул хозяин. – А посему, верю, ответите вы на третий вопрос, ибо поспорили мы с постояльцем моим, какой рыцарский меч почитается наиболее славным?..

– Ну все! Я вам сейчас покажу меч, негодяи! Я вам!..

Лисенсиат! Что, неужели дверь открывает?

– Не смей! – заорал я, что есть силы. – Не смей!

Но понял – поздно!

– А-а-а-а-а!

Черт, дьявол, палец о дагу порезал!..

– Дон Саладо! Тарч! Тарч! Тарч!

И – ногой в дверь. Щеколду я раньше отодвинуть успел – когда тот дурак пухлый свою открывать начал.

– Тарч!

(Про «тарч» – чтобы три раза, мы с Доном Саладо еще на дворе сговорились. На том самый случай, который крайний.)

– Тарч!!

В коридоре – тени, тени,
Пляшут тени сарабанду,
На полу, на стенах, всюду.
Посреди – свечной огарок
В медной плошке, еле дышит.
Двери – настежь, словно буря
Пронеслась сейчас по дому.
В коридоре – Дон Саладо,

Босиком, в ночной рубахе,
Меч в руке, борода – дыбом,
Ланчелоте – да и только!
В стороне чуток – хозяин,
Император Трапезундский,
К стенке крашеной прижался,
А в руках – тесак тяжелый.
Где-то шум, кричат, дерутся,
Только где – поди пойми!

– Начо!

Кажется, мой рыцарь меня даже не заметил. В темноте,
поди, сидел, а тут какой-никакой, а свет.

– Здесь! – заорал я, прижимаясь к стене. Только бы сбоку
не подобрались! Темно, свечка вот-вот сдохнет...

– Ах, ты! А-а-а!

Чей это голос? Чей крик? Лисенсиата?

Ах, черт! Толстячок!

– Туда! – закричал я, тыча дагой в открытую дверь – ту
самую, которую дурень ученый открыл себе на беду. – Туда,
Дон Саладо!

Но – опоздали!

Слишком поздно я увидел, что поганец-хозяин к свечке
подбирается. Слишком поздно заметил, как его башмак...

Тьма!

Ну все! Эти-то, небось, здесь каждый вершок знают, без
света обойдутся...

– Рыцарь! Назад! Стойте на месте, не пускайте никого. Рубите всех!

А сам – по-над стеночкой, по-над стеночкой. Тихо так...

И снова: «А-а-а-а-а-ах!»

Шаги! Нет, вроде как бежит кто-то. Вниз бежит. Хозяин? Нет, у того шаги другие...

– Сеньоры! Сеньоры! Вы живы? Если живы, откликнитесь!

Лисенсиат! А я уж думал, в ближайшей церкви свечку за упокой ставить.

– Их двое было! Хозяин и тот, в красной рубахе. Одного я, кажется, слегка задел...

Экий молодец!

Свечка никак не желала воскресать. Или это у меня руки дрожали? Наконец, я спрятал огниво...

Фу ты!

Ну и войско! Дон Саладо в ночной рубахе, сеньор толстячок – в той же амуниции. Один я – при полном параде.

И чем, интересно, лисенсиат разбойников этих пырнул? Неужто кинжальчиком своим? Ну и дрянь ножик!

– Кажется... Кажется, я изрядный дурак, сеньоры, – вздохнул толстячок, словно мысль мою прочитал. – Как же я не понял? Вы же говорили, Дон Саладо, чтобы никто двери...

– Потом, – весьма невежливо перебил я, поднимая повы-

ше плоску со свечой. – Пошли! Я – первый!

– Однако, Начо... – встрял было доблестный идалыго, но я только плечом дернул.

Коридор пуст, комнаты пусты. Никого! А где же купчики наши? Ни вещей, ни их самих. Только на полу в одной из комнатушек, в той, что слева, пятнышко. Темненькое такое, свеженькое...

Опоздали! Но когда? Я же не спал, не было никого в коридоре, пока эта цыганочка не появилась!

– Вниз! – воззвал Дон Саладо. – Покараем злодеев! Увы мне! Не смог я разглядеть глазами своими слабыми в хозяйне замка здешнего – людоеда!

– Вы правы, сеньор, – вздохнул лисенсиат. – Об этом постоялом дворе давно ходит дурная слава, меня даже предупреждали. Но сколько их? Я видел... Точнее, слышал, двоих...

На лестнице – пусто. Эге, а это что?

– Кажется, вы одного из них не просто задели, сеньор лисенсиат!

Пятна на ступеньках – одно за другим. И немалые! И какой запах мерзкий!

– Не знаю! – теперь в его голосе – чуть ли не страх. – В жизни никого не ранил. Меня толкнули, хотели за горло схватить, я увернулся...

Ай да толстячок! Увернулся!

– ...ткнул кинжалом несколько раз, кто-то крикнул...

Этот «кто-то» ждал нас внизу, в зале. Точнее, уже не ждал. Знакомо блеснул в глазах свечной огонек. В мертвых глазах. Пустых.

– Он... Он мертвый? Неужели он мертвый, сеньоры? Кажется, сейчас наш герой-лисенсиат в обморок брякнется!

– Так вы же ему все брюхо попороли, сеньор! – хмыкнул я, кивая на окровавленную красную рубаху...

...Черной смотрелась на красном кровь. Как смола. Как деготь.

– Как сюда дошел, странно даже. Видите, он же кишки руками придерживал!

– О-о-о-ох!

Но все-таки дошел, дошел, и даже не упал – сесть попытался. Как раз под тем самым щитом.

– Однако же, сеньоры, – Дон Саладо поднял вверх худой костистый палец. – Не слышите ли вы?..

Да, точно! Во дворе!

– Туда!!!

Хозяина мы уже у ворот догнали. Отвык, видать, ногами двигать, за стойкой да на кухне мозоли оттаптывая. Да и куль бежать мешал – тяжеленный куль!

Видать, был этот куль Его Трапезундскому Величеству по дороге жизни!

– Стой! Стой, сволочь! Обернись!

Не обернулся. Только куль к пузу своему прижал.

Я так и убил его – в спину.

– Но... Но сеньоры, разве можно так! – привычно возмущился лисенсиат. – В конце концов, может, он был и не так виновен? Может, его просто заставили?

Я только хмыкнул, дагу о хозяйские штаны обтирая.

Заставили, как же!

В дом мы только с рассветом вошли. Так до солнышка во дворе и просидели. И вроде бояться больше нечего, но все-таки...

Ох, скверный же дом! Хорошо еще ночь теплая, да в конюшне пара старых плащей нашлась...

Купчиков мы в подвале нашли – мертвых да голых. Я так и не понял, когда их, бедолаг, достать успели. Одного прямо в сердце пырнули, а на втором – ни кровинки, задушили, видать. Лежат, страшные, с глазами открытыми, а вокруг чего только нет! Одежда, и старая, и новая совсем, мешки всякие, и деньги, конечно. Какие в кубышках, какие прямо по полу рассыпаны...

Никто и нагибаться за теми деньгами не стал. Даже я!

...А в куле, что хозяин, кол ему осиновый, унести пытался, детская одежда оказалась да игрушки всякие. Схватил видать, первое, что в руки попало.

Ох, и пожалел же я, что сразу его убил! Мориски, значит, во всем виноваты? Да они – ангелы небесные, если с этими сравнить!

В общем, вытащили мы бедолаг во двор, плащами накрыли, сеньор лисенсиат принялся молитву бормотать, мой рыцарь – креститься.

А я о цыганочке вспомнил. Ведь как ни крути, она нас спасла. Хоть бы спасибо сказать! Да как скажешь, во дворе ее нет, и в сараях нет, и в доме...

Долго искал, да все никак найти не мог. Пока в старый колодец, что у самого забора, заглянуть не догадался...

Успели! Поняли, что не обошлось без чернявой – и успели таки! И не достать ее, бедную: глубокий колодец, а веревка перегнила...

Стоял я, губы кусал, себя, дурака, последними словами крыл. Она меня спасла, а я, выходит, ее погубил?

А что делать-то было? Дверь открыть? Купчики-бедняги открыли! И поди, не хозяину – ей открыли. Нестарые были еще, в соку самом.

А потом я и на кухню заглянул. Заглянул – и пулей выскочил. Выскочил, на колени рухнул...

Вывернуло меня! Ну, как есть, всего наружу! Еле встал, еле до кадки с водой добрел...

Вот почему мясо в похлебке сладковатым было! А я еще над Доном Саладо смеялся, в людоедов не верил.

Долго в себя приходил, все очухаться не мог, меня уже и звать принялись...

– Однако же, сеньоры, чего делать нам надлежит? – во-

просил со вздохом Дон Саладо. – По закону должно бы нам сообщить королеве или кому из сановников ее о сем злодействе...

Вещи мы уже собрали, на одров наших нагрузили, купчиков, бедняг, прикопали, как смогли, я из дров крест связал.

...Про кухню да про то, что в леднике я увидел, говорить никому не стал. И про колодец – тоже не стал. Постоял возле него, «Pater noster» прочел.

Эх, цыганочка!

– Сообщить можно, – неуверенно проговорил сеньор лицензиат. – Да только задержат нас, причем надолго, ибо законы нашего королевства весьма несовершенны...

Вот уж точно. Как бы нас самих в убийцы не записали!

– Сожжем! – решил я. – Дотла! Чтоб только угли остались.

И не возразил никто.

Труп хозяина прямо в зал втащили, посреди бросили, я за сеном в сарай сходил. Дом, конечно, каменный, да крыша деревянная! И внутри дерева полно. Деревя – и пыли.

Дверь конюшни – настезь. Пусть гуляют лошадки. Может, найдут себе нового хозяина – получше?

Все?

– Погоди, Начо! – благородный идалго вздернул бородку-мочалку. – Не все еще сделано, что должно!

Зашел в дом, вернулся. Со щитом. С тарчем тем самым, который brusttartsche.

– Не должно, сеньоры, оставлять сей славный щит в таком

месте. Ибо уверен я, что не честным путем достался он хозяину сего злодейского замка. Пусть же побудет у меня, пока не найдется для него более достойный владелец!

И снова – никто не спорил.

Ну, все.

Амен!

Дым из окон, дым над крышей –
Занялось, раздуло ветром,
Вот и пламя – как из ада,
Словно пекло перед нами!
И почудилось внезапно,
Словно стон – протяжный, долгий
Из земли, из самой тверди,
Будто души убиенных –
И виновных, и невинных,
Ад покинуть тот не в силах,
Словно нас о чем-то просят,
Молят, отпустить боятся.
А огонь все выше, выше,
По двору уже крадется,
Будто нас достать он хочет.
Уж не стон – а рев ужасный.
Набирает пекло силу!
И ушли мы поскорее,
Ад оставив за спиною.
И никто не обернулся!

ХОРНАДА V.

О преславной и преужасной битве с василиском.

В ушах у нашего рыцаря начало звенеть аккурат после полудня, когда в церквушке, мимо которой мы как раз проезжали, колокол ударил. Гнусно так звякнул – треснутый поди! Может, оттого и в ушах у него зазвенело?

Об этом всем Дон Саладо нам тут же сообщить изволил, да внимания мы, признаться, не обратили. И вправду – звенит, и звенит, оно, между прочим, к деньгам, особливо ежели в левом ухе.

Не обратили, а зря!

– Итак, сударь, вы пикаро, да еще с Берега, – подытожил сеньор лисенсиат Алессандро Мария Рохас.

– Осуждать станете? – покосился я на него не без любопытства. – Контрабандист, да законы не почитаю?

Хоть он и лисенсиат, в Саламанке и Париже учился, а обычный, вроде, парень. Ну, усики, словно три дня не умывался, ну, горячий очень. Зато ведь не трус! И не дурак вроде.

...Ехали мы теперь втроем – по пути оказалось. Я на Куло своем поганом, Дон Саладо – на коньке-недомерке, а толстя-

чок – на муле. Крепкий такой мул, большой. Мне за моего Задницу даже стыдно стало...

– Осуждать? – задумался лисенсиат. – Нет, не стану, Начо. Не стану...

И снова думать начал. Я и не мешал – человек он оказался такой: кричит, шумит – а после соображать начинает, гаснет вроде. Слышал я как-то, что таких холериками зовут, это значит, будто холера на них накатывает – потрясет да бросит.

Дон Саладо тоже беседой нас не баловал – в ушах у него звенело. Ехал себе – и ехал.

Ну и ладно.

– Законы наши, Начо, весьма несовершенны, – подумав, продолжил толстячок. – Об этом я уже как-то упомянул, однако добавлю: они порой несправедливо жестоки...

И снова замолчал. А мне интересно стало.

– Такие, как вы, делают доброе дело – благодаря этому во всей Испании нет недостатка в самом необходимом. Увы, ремесла, да и промыслы у нас развиваются слишком медленно. Так что контрабанда нас, по сути, спасает – вопреки, увы, законам.

Вот как! Я даже приосанился. То, что мы Калабрийцам доброе дело делаем – это я и сам знал, но когда такое ученый человек признает!

То-то!

– И еще добавлю: самые жестокие законы – отнюдь не самые древние, как можно было бы подумать. Увы, наш

век, которые отчего-то итальянцы называли Ренессансом, дает примеры невиданной жестокости и несправедливости. Вы о Супреме²⁶ слыхали, Начо?

Не хотел – а вздрогнул. Отвернулся, на ветряк дохлый поглядел.

«Ты слыхал о Супреме, Начо?» – спросил меня тогда пад-ре Рикардо. Грустно так спросил. А после улыбнулся – тоже грустно...

– Эти, зелененькие, которые?²⁷ – не глядя на сеньора лиценсиата, ответил я. – Фратины?²⁸ Чего-то слыхал...

– Вот и я слыхал, Начо...

Странное дело! Ему-то что до этих зелененьких? Не марран²⁹ ведь, не мориск. Не священник даже...

...И вообще, чудной парень. То есть, не сам по себе. А вот куда и зачем едет? Говорит, в Севилью (потому и по пути нам оказалось), да не просто – а к невесте. Вроде бы, доброе дело, но только какой же это жених о своей невесте даже словом не перемолвится? От иных спасу нет – и медальон с парсуной ейной покажет, и стихи всякие прочтет, и про приданое говорить-рассказывать станет. А этот сказал – и все. Отрезало словно! Загрустил – и думать стал.

²⁶ Супрема – трибунал Святейшей Инквизиции.

²⁷ Зелененькие – служители инквизиции носили зеленые одеяния.

²⁸ Фратина – от латинского «frater» («брат»). Слово имело пренебрежительный оттенок, звучало как «брательло».

²⁹ Марран – крещеный еврей.

Или невеста его – вроде ведьмы? Или это я не в ту сторону думаю?

...А еще у него деньги в поясе – ох, немалые деньги! Я-то сразу не заметил даже, а у хозяина покойного – у Императора, значит, Трапезундского, глаз острее оказался. Видать, той ночью за сеньором лисенсиатом главная охота шла!

Хотя деньги – это понятно. Свадьба ведь у парня!

– Это все сицилийцы, – заметил я, дабы разговор поддержать и невежливым не показаться. – От них все беды, сеньор, скажу я вам. И вообще, Сицилия – препаршивый остров!

Надо же, удивился!

– Помилуйте, Начо, при чем здесь...

– А при том, сеньор, что все эти фратины зеленые, что в Супреме служат, сицилийцы и есть. Их король Фердинанд сюда привез, нам на беду!³⁰

...И если бы только это! Но не про «омерту» же сицилийскую толстячку рассказывать. Не поймет ведь!

– Томазо Торквемада – не сицилиец, – ответил он, тихо так, еле слышно. – Но в чем-то вы правы, Начо. Мне кажется, что объединение наших королевств не пойдет во благо. Кастилия всегда славилась своей свободой, Арагон – предприимчивостью и успехами в мореходстве...

Это уж точно! Если чего есть у этих арагонцев – то это

³⁰ Сицилия в описываемое время находилась под властью короля Арагона. Инквизиция в Кастилии была создана при помощи сицилийских инквизиторов.

моряки. Один Калабриец чего стоит!

– Вот наши монархи и надеялись все сие объединить. А получается, что объединяется кастильский фанатизм и арагонское рабство...

Странное дело, это и падре Рикардо говорил. Тогда как раз свадьба королевская к нам в Севилью пожаловала. Маленький я еще был – а запомнил. Удивился потому что.

– Из Арагона мы взяли инквизицию и рабство. Наши сеньоры хотят ввести тут «дурные обычаи», слышали? А у них, у арагонцев, начались гонения на марранов, чего и отродясь не было...

Я только плечами пожал – не моего ума это дело. Пикаро рабом не станет, помрет скорее. А насчет «дурных обычаев» – слышал, как же! И от Калабрийца, и от других. У них, в Арагоне этом, сеньор может горло рабу перерезать и в крови ноги парить. И еще с каждой свадьбы невесту себе требует – на первую ночь.

Вот злыдни! И такое хотят у нас в Кастилии нашей вольной ввести? Да не позволим, понятно!

А вообще, не моя это забота.

– Стоит ли об этом, Начо? – заметил лисенсиат, будто и вправду мысли мои услышал. – Хотел бы я у вас о другом спросить.

Оглянулся, на Дона Саладо нашего поглядел, ближе придвинулся.

Зашептал.

Мог бы и не шептать! Рыцарь мой совсем в себя ушел. Не иначе звон в ушах слушал.

И я послушал – то, что толстячок мне шепчет. Послушал – и только руками развел. И вправду, почему мне знать, как да чем беднягу Дона Саладо лечили-пользовали? Да в его глуши, в Эстремадуре этой, всего лечения поди для таких, как он – цепь да ошейник!

Про то, что с Доном Саладо осторожность требуется, я сеньору Рохасу сразу же поведал – от греха. Не удивился он даже – сказал, что еще прошлым вечером о чем-то таком догадался. Уж больно Дон Саладо горячо про Ланчелоте всяких говорил.

– Чему же удивляться, сеньор, – заметил лисенсиат, меня выслушав. – Увы, невежество все еще царит в нашей славной Кастилии. На цепь! Какая дикость! Если и нужна в случае этом цепь, то совсем иная – цепь системы...

Очень мне это слово отчего-то не понравилось. Система, понимаешь!

– Лечение оной болезни нелегко, но все же возможно. И пользуясь тем, что волею случая оказался я в вашей компании...

Щелкнул толстячок пальцами, усиками своими дернул.

– А что? Болезни такие приходилось мне изучать в городе Париже...

И аж глазами заблестал! Смолчал я, но отчего-то не захотелось мне, чтобы сеньор Рохас моего идальго пользовал. Ну

никак не захотелось.

Нет, не дам сажать я рыцаря на цепь! И кровь пускать не дам, и пиявки тоже.

Система! Придумал, умник!

А лисенсиат вновь в задумчивость впал, пальчиками своими крутить начал. Мне даже любопытно стало. Ну, ладно, система системой, а где в этакой глуши он аптеку найдет?

Обошлось, однако, без аптеки.

На ближайшем привале (Куло мой опять заартачился, Задница!), сели в теньке на холмике, я уж и плащ на траву постелил – отдохнуть чуток. Но не тут-то было! Достал сеньор Рохас из выюка бумагу, а к ней лаписьеро³¹ свинцовый. И окуляры на нос нацепил. Тут уж и Дон Саладо заинтересовался.

– Не собираетесь ли вы, сеньор, снимать с кого из нас парсуну? Смею вам заметить, что слава моя, увы, пока не такова, чтоб мог я сей чести удостоиться.

– Отнюдь, – отвечивал лисенсиат. – Да и не мастер я насчет парсун. А давайте-ка, сеньор Саладо, пейзаж нарисуем, сиречь местности этой изображение. С вашей помощью. Итак, что вы видите?

– Гм-м...

Оглядел мой рыцарь окрестности, даже ладонь ко лбу приставил. От солнца.

³¹ Лаписьеро – карандаш.

– А вижу я перед собой горы, слева же – замок, а справа, вроде как пещера...

– Вот и славно!

Р-р-раз – и забежал свинец по бумаге. Вот и замок, вот и пещера. И горы, конечно. А толстячок все уточняет: сколько у замка башен, да насколько горы высоки.

Вот и готово. Поглядел Дон Саладо, одобрил. Точь-в-точь!

– А теперь, сеньоры...

И вновь – свинцом по бумаге. Бегло так, позавидовал я даже.

– Вот, извольте сравнить, Дон Саладо. Не видите ли вы некую разницу?

А что там видеть-то? Второй-то рисунок правильный. Ни гор на нем, ни замка. Холмики, овцы вокруг, домишко ско-собоченный.

Все как есть.

Задумался мой идальго, бороду мочальную кулаками под-пер.

– Понял я, сеньор, и увидел, конечно же, различие. На вто-ром рисунке изобразить вы изволили то, что вам отсюда вид-но, на первом же...

Не договорил, вздохнул грустно, голову понурил.

– Или не знаю я, сеньоры, что почитают меня всюду безумцем? Но что делать, ежели все органы чувств говорят мне одно и то же? Если бы только зрение, но ведь и слух, и

обоняние даже...

– Логика! – вставил я, наш с рыцарем разговор вспомнив. И не только разговор, но и меч пощербленный.

А может, не все так просто?

Лисенсиат, как про логику услышал, даже крикнул. Поползли вверх брови вместе с окулярами, еле-еле на лбу удержались.

– Однако же, сеньор Саладо, должны вы согласиться, что все прочие видят и чувствуют иначе!

И дернуло тут меня за язык!

– Отчего же все, сеньор лисенсиат? Или мы с вами этих «всех» считали? Мир велик, а мы и треть Кастилии не объехали. Может, за морем где-то или за Пиринеями видят так же, как Дон Саладо?

...На Сицилии, например. Там уж точно на каждом шагу – драконы с людоедами!

На этот раз толстячок запыхтел, на меня воззрился гневно. За то, что я его систему порушил.

– Но, может, Дон Саладо, для начала так поступим: вы о том, что видите, нам говорите, однако в поступках будьте умеренны. А мы с вами вместе рассудим, надо ли за меч браться.

Вновь рыцарь голову понурил. Кивнул.

– Что ж, пусть так и будет. Но не могу я молчать, ежели чую беду...

И тут задумался я. Людоедов с великанами вспомнил – и

тех, что на горке, и тех, что на постоялом дворе.

– Говорил я уже, что звенит у меня в ушах. И не было бы в том особой беды, если бы не примета верная. Где-то рядом совсем обретается чудище жуткое, именуемое василиск.

– Простите? – растерялся лисенсиат. – Василиск? Это который basiliscum? Со змеиным хвостом и петушиной головой?

– Да! – костлявый палец взлетел вверх, к горячему солнцу. – Чудище, что над всеми гадами повелевает. Монстр, убивающий взглядом своим и дыханием своим. Адский выползень!..

Скривился сеньор Рохас, а мне не по себе стало. Ну, получается мой дядька в словах, морисков людоедами кличет...

Но ведь не в словах дело!

А если и вправду какая-то дрянь рядом обретается?

И снова меч тот, со щербинкой, перед глазами встал!

– Увы, не взял я с собою зеркало, – вздохнул рыцарь. – А ведь зеркало – лучший способ поразить чудище, ибо мечом рубить его несподручно, так как в случае этом есть опасность глазами с ним встретиться. А сие, как ведомо – верная смерть!

А я уже думаю-гадаю, как рыцарева слова на кастильский перевести. По дороге селенье скоро быть должно. Не там ли чудище это? Может, мой идалго местного алыгвазила почую-ля?³² Знаю я этих василисков!

³² Алыгвазил – полицейский, стражник.

А, может, и того хуже?

В общем, не понравилось мне это, страх, как не понравилось. И только мы селенье это увидели – сразу, как с холма спустились, – я тут же дагу поудобнее пристроил. Мало ли? Да и рыцарь мой подобрался весь, копьё у меня забрать попытался.

Ну, копьё я ему не отдал, однако твердо решил, что лишней минуты в том селении не задержусь. Вот лишь напоим наших одров, которые с копытами.

Только лисенсиат носиком своим недовольно дергает, вроде как возмущается. Да какой с него спрос, с ученого? Жизнь, она – не такая, как в книжках!

Колодец на самой околице оказался, у перекрестка. Направо поедешь – не знаю куда попадешь, налево – в горку упрешься, а нам туда не надо. Прямо нам, к Арасене, откуда дорога к Севилье ведет, не сворачивает. Да только без скотины далеко не уедешь, а скотина пить просит. Мой Куло даже орать начал, громко так, противно.

А у колодца – народ. Всякий – и поселяне, и жены ихние, и вообще непонятно кто. Значит, ждать надо.

А Дон Саладо с конька своего даже слазить не стал. Сидит, ноги худые, длинные, пятками пыль цепляют, рука, которая не сухая, за гарду держится.

Фу ты! Я уж себя и так успокаиваю, и этак, да на душе все муторнее и муторнее. Словно и я того василиска клятого

чую.

Лисенсиату, понятное дело, хоть бы хны.

Слава Деве Святой, дошла до нас очередь. Кинул я вниз ведро, ворот покрутил, плеснул воды в корыто деревянное, а сеньор Рохас уже и мула подвел. Куло мой, как воду увидел, вообще взвыл.

Дошла и до идальгового конька очередь. Слез Дон Саладо на землю, а сам белый, пот на лице...

– Здесь он, Начо, – шепчет. – Рядом! Ты, Начо, далеко не отходи, да только не вздумай смотреть, не дай Господь, глазами встретишься...

А меня морозец бьет, как тогда, прошлой ночью. Оглянулся я, туда-сюда посмотрел...

...Колодец, народ вокруг, куры в пыли купаются, чуть дальше улочка да заборы.

Попил рыцарев конек, оно и ехать можно, да тут, конечно же, лисенсиат вмешался. Мол, одрам нашим отдых требуется, а вот и тенек, сиеста опять же...

Я даже не огрызнулся – за рыцарем следил. А он напрягся весь, ушами, точно собака, водит...

...Только сейчас я заметил, какой он ушастый. Это потому что шлем его, салат который, на бок съехал...

– Начо! Он...

Тихо так сказал, чуть ли не шепотом, да я такой шепот и за десять шагов бы услышал.

Вот и услышал, рука уже на гарде, глаза псами охотничьи-

ми бегают. А Дон Саладо дернул плечами своими худыми, вздохнул, выдохнул...

Вперед шагнул – с лязгом железным. Туда, где первый дом стоял.

– Видать, сеньоры, это и есть бой мой последний! Только вперед не глядите, ибо взгляд его...

Да чей взгляд-то?

А тут народец как раз расступился, вид на улицу открыл – в ту сторону, куда идальго собрался. А там ничего и нет. Улочка (да не улочка, тропа пыльная меж двумя канавами), куры опять же. И петух – здоровенный такой, с хвостом разноцветным. Король-петух!

А Дон Саладо уже рядом, и меч его, железяка, в руке, ржавчину солнышку кажется...

– На бой, на бой, чудище! На смертный бой!

Я уж и вперед было подался, но с кем биться-то? Если бы альгвазил здешний, то я бы сразу дагу вынул.

– Ко-ко-ко-ко-ре-ку-ку-у-у-у!

Взметнулась железяка – и прямо на петуха! Сверху!

Ой!

А у меня челюсть отпала. Это что, василиск?

– Рази, Испания-я-я!

Черкнул меч по пыли, а петух уже в стороне. Нахохлился, перья взъерошил...

– Рази!!!

Да как кинется на рыцаря моего! Да как закричит!

Ну, схлестнулись! Бой ужасный!

Пыль и перья закружились.

Меч свистит без передышки,

А петух орет-кудахчет

Да когтями вкупе с клювом

По доспехам бьет-молотит.

Очумели поселяне,

Что на бранный шум сбежались,

Трут глаза, себе не веря,

Кто креститься даже начал.

А петух-то не сдаётся,

Вновь и вновь он налетает,

Клювом в глаз идальго целя,

И кудахчет, и кудахчет!

Но тут рыцарь Дон Саладо,

Силу всю свою собравши,

Закричал что было мочи:

«Санто-Яго Компостелло!

Смерть тебе, лихое диво!»

И мечом своим тяжелым

Разрубил врага с наскока.

Крикнул кочет, наземь рухнул.

Тут и смерть ему случилась!

Первым опомнился не я – я все еще столбом стоял, рот закрыть забывши. Сеньор Рохас сообразил – на мула вско-чил, меня в плечо толкнул...

Да, самое время! Народ тоже приходить в себя начал, кое-кто уже за дубину взялся.

Схватил я рыцарева конька под уздцы, вперед шагнул...

Поздно!

– Бей их! Бей курокрадо-о-ов! Бе-е-ей!

Только и успел Дон Саладо обернуться, а чья-то дубина его прямо по шлему так и припечатала.

Ой!

Ну, тут уже не до шуток стало. Ближнего я дагой полоснул – не до крови, только рубаху пропорол. Другому ножик свой перед глазами крутанул. Отшатнулись, понятно. На миг-другой всего, но мне хватило. Подхватил я моего идальго (ой, тяжелый, в латах же!), через спину конскую перебросил...

– Бей! Бей их! Курокрадо-о-о-ов!

А тут как на грех Куло мой в очередной раз решил характер показать – уперся всеми четырьмя. Зря это он. Кольнул я его дагой...

– Бе-е-е-е-е-ей!

Куда, да в какую сторону удирали – даже и не помню. Вот как камни над ухом свистели – на всю жизнь сниться будет.

Хорошо, что у народа здешнего коней под рукой не оказалось!

Очухались, с одров наших слезли, на землю бухнулись...

Это мы очухались и слезли, а Дона Саладо пришлось с конька снимать, на камешки укладывать...

Оглянулся я. Почему камешки? Неужели на горку взлетели? На ту, которая налево?

Так и есть!

Хорошо, что вода нашлась – сеньор лисенсиат во фляжку набрать догадался. Смочили мы тряпицу, рыцарю на лоб положили...

– Сеньор Рохас! – торжественно заявил я. – Видели ли вы моего осла? Так вот, сеньор, признаю себя еще большим ослом, чем этот Куло! Больше ни одного василиска, не говоря уже о великанах с драконами. Так что считайте меня своим верным союзником!

А сам себя в который раз крепким словом припечатал. Ну и дурень! Ну и болван! Меч, понимаешь, вспомнил. Да мало ли где тот меч исцербиться мог!

Или болезнь у моего идадьго заразная? Чур меня, чур!

А тут и стон раздался. Это Дон Саладо глаза открыл. Открыл, губами пожевал...

– Увы мне, увы... И вновь не довелось мне совершить великий подвиг!

Добрым Рохас оказался –
Пожалел, не стал смеяться,
А наш славный Дон Саладо,
Как немного оклемался,
Шлем поправив, молвил с грустью:
«Это я во всем виновен!
Не иначе – перепутал,

Слаб глазами стал я ныне!
Но сказать при этом должен,
Если был там все же кочет,
То весьма дурного нрава!»
Спутник наш, ученый славный,
С тем немедля согласился
И сказал: «Вас, Дон Саладо,
Будем звать теперь мы Рыцарь
Петушиное Перо!»

ХОРНАДА VI.

О том, как сбылась некая мечта Дона Саладо.

– Сеньор Рохас, – поинтересовался я, морщась при виде очередной скалы, загородившей небо. – А не изучали ли вы в городе Париже, скажем, географию?

И не спрашивал бы, так ведь заехали! Слева горы, справа горы, тропа между скал вьется. Воду еле-еле нашли, еды не купишь, одры наши затосковали, Куло на меня бесом смотрит, ушами прядет.

Ох, и удружил нас бесстрашный идальго! Я и так эти места с пятого на десятое знал, а уж когда в горы заехали, совсем растерялся. Горы – это уж точно не для таких, как я. С меня и моря за глаза хватит.

– Изучал, – подтвердил лисенсиат, покосившись на меня не без интереса. – Но не в Париже. В Париже, Начо, тамошний университет, Сорбонной именуемый, богословием славен. Географию изучал я в Саламанке, особенно же в Италии.

В Италии? Интересно, где? Если в Генуе, Неаполе или даже в Венеции, то могли бы и встретиться. Я там тоже географию изучал. Правда, сугубо практическую.

– Вас волнует, куда мы заехали? – одними губами усмех-

нулся толстячок. – Помилуйте, Начо, это не Альпы. Это всего лишь горы Сьерра-Мадре, которые есть отрог великих гор Сьерра-Морена, что через всю Андалузию протянулись. Насколько я понимаю, слева от нас, выше по ущелью, будет селение Педранес – то, что выше всех прочих в Кастилии находится, оттого и прозывается Поднебесным. А дорога ведет нас как раз куда следует, на юг, к Гвадалквивиру. Когда же мы спустимся вниз на Андалузскую низменность, Кордова будет у нас слева, Севилья же – справа.

Ну, если так... Я прикинул – крючок мне придется изрядный делать. Ну, ничего, довезу как-нибудь славного рыцаря, куда требуется!

– Дикие тут места, – продолжал между тем лисенсиат.

– Это вы насчет разбойников? – осторожно поинтересовался я.

– Не думаю, – под тонкими усиками вновь мелькнула улыбка. – Здесь вообще людей почти нет. Скот выпасать негде, а купцам проще ехать равниной.

И слава Богу! А чудная у толстяка улыбка! Губами дергает, а глаза, как неживые. То ли скрывает что, то ли горе какое на душе.

– Между прочим, эти места – первые, куда смогли проникнуть христиане еще три века назад. На равнине были мавры, а тут кастильцы построили несколько замков. Говорят, здесь воевал сам Сид или кто-то из его потомков. Но с тех пор тут ничего не осталось. Кого мавры убили, кто сам в долину

спустился, когда король Альфонсо вернул Горную Андалузию...

– Увы, – сбоку послышался тяжелый вздох. – Не довелось нам жить в то славное время!

Несчастный Дон Саладо с повязкой, выпирающей из-под съехавшего на ухо шлема, уныло трусил на своем коньке, глядя куда-то между конских ушей. Лучше бы шлем этот вообще выбросить! Он и так на тазик для бритья походил, а после того, как по нему дубиной припечатали, вообще на тарелку стал смахивать.

– Помилуйте! – поразился лисенсиат. – Чем вам наше-то время не по душе?

...Я-то не удивился – слышал уже.

Вместо ответа – новый вздох, еще тяжелее, еще безнадежнее. Петушиный бой явно поубавил уверенности у славного идадьго. Переглянулись мы с лисенсиатом и поняли – грех его сейчас расспросами тревожить.

И ведь жалко дядьку! А чем поможешь? По системе этой самой лечить? Уже пробовали.

– Не мило мне время это, сеньоры, ибо мню, что не совершить в наши дни ничего великого.

Отозвался, Петушиное Перо!

– То есть как? – толстячок даже в седле подпрыгнул. – Великое сейчас только начинается, Дон Саладо! Разве не следует назвать великим то, что творят ученые и мастера искусств изящных в славной Италии? Разве Джотто, Брунеле-

ске и Поджио Броччолини – не истинные титаны?

– Право, не слыхал я о подвигах этих рыцарей... – начал было Дон Саладо, но толстячка уже понесло.

– А Гуттенберг? А университеты? А то, что португальцы уже обогнули мыс Бурь и вот-вот достигнут Индии? А то, что мы уже отвоевали Испанию нашу у мавров? Вы же сами брали Малагу, сеньор!

– Иногда я жалею о маврах, – со вздохом отвечивал рыцарь. – Хоть и негоже сие делать доброму христианину. Просто кажется мне, что во времена великого Сиды, вами, сеньор, только что упомянутого, когда не было еще ни бомбард, ни аркебуз, доблесть и храбрость более ценились. Знаете, сеньоры, есть у меня мечта. Никому не говорил я о том, но вам скажу, ибо люди вы храбрые и благородные...

Подмигнул я толстячку, а он мне – в ответ. Это, значит, чтобы мы оба молчали, когда наш дядька про великанов с драконами рассказывать начнет.

– Точнее сказать, у меня их две, две мечты, уважаемые сеньоры. И главная из них такой будет...

Костлявая рука долго поправляла шлем, затем неуверенно погладила бороду-мочалку.

– Даже не знаю, как начать... Снилось мне некая земля, сеньоры. Прекрасная, обильная всем, славными и благочестивыми людьми населенная. Царит же в земле той вечное лето, и воды ее подобны млеку, золотом же выстланы донья речные, но лежит то золото втуне, ибо нет в нем нужды и по-

требности. И будто бы чей-то голос повелел мне в эту землю войти. Удивился я и спросил путь, ибо вначале подумал, что велят мне идти во святой град Иерусалим – мечту каждого рыцаря...

Странное дело, у меня весь смех куда-то сгинул. Красиво говорил Дон Саладо, душевно даже.

– Но было поведано мне, что не Иерусалим это, не Индия и даже не царствие Хуана Пресвитера. Земля сия, сеньоры, за морем лежит, а вот за каким и в стороне какой, сказано мне не было...

И вновь мы с лисенсиатом переглянулись. Хотел он что-то сказать, да я палец к губам приложил.

– Разумею я, сеньоры, что трудно найти землю эту, однако же скажу, что узнаю ее сразу, ибо памятна она мне, хоть и снилась лишь однажды. Даже имя я дал ей – Терра Граале, Земля Чаши Господней, ибо столь же прекрасна она и недоступна, как сам Святой Грааль.

– Не смогу ли я помочь вам, сеньор? – не выдержал лисенсиат. – Ежели попадем мы с вами в Севилью, куда ныне я путь держу, то сможем посмотреть атласы и прочие землеописания. Там вы сможете найти то, что ищете.

Качнулась борода-мочалка. Кажется, Дон Саладо не очень верил атласам.

– Меня считают безумцем, сеньоры, и то мне хорошо ведомо. Но не всегда я был таким, и в прежние годы, когда честно служил я в войске королевском, приходилось мне го-

ворить с людьми знающими, особенно же со шкиперами и кормчими, все моря избороздившими. Дивились они, сколь подробно я эту землю знаю, и признавались честно, что о такой и не слыхивали. Не Индия это, не Китай, не Африка и не страна Сипанго...

Хотел я сказать, что всякое людям снится, особенно же с перепоею, но вовремя язык закусил. Пусть себе! Тут бы в пропасть не заехать.

Пропасти, правда, нам покуда не попадались, но горы эти мне совершенно нравиться перестали. Едешь словно в коридоре каменном, того и гляди сверху крышкой прихлопнут. Хоть бы дом какой встретить или часовню. Да куда там! Трава – и та пропала, камень один. Этак Куло мой совсем взбесится, меня есть начнет!

– Вторая же моя мечта, сеньоры...

Какая еще? Ах да, у моего идальго их целые две!

– ...совсем простой кажется на первый взгляд. Хочу я встретить у некоего перекрестка странствующего рыцаря. Ведом вам сей обычай – ждать у перекрестка собрата своего, дабы вступить с ним в бой ради обета или же ради прекрасной дамы. И вновь – увы! Хоть и встречал я немало рыцарей, но никто из них не следовал давним обычаям...

– У вас есть прекрасная дама, ваша милость? – не утерпел я.

Подслеповатые глаза Дона Саладо гордо блеснули:

– Истинно скажу – есть! И дама эта, чей платок, ее руками

вышитый, носу я возле сердца – моя законная супруга донна Маргарита, заботливая хозяйка дома моего и мать троих моих сыновей!

Я чуть не присвистнул, да и сеньор лисенсиат был явно удивлен.

– Помилуйте, Дон Саладо! Отчего же вы дома не живете?

Спросил – и тут же пожалел. Понурился мой рыцарь да так, что чуть носом в гриву конскую не ткнулся. Дернула рука за бороду, качнулась голова в дурацком шлеме...

– Что говорить об этом, Начо? Дом наш небогат, и с тех пор, как привезли меня, беспамятного, из-под славного города Малаги, издержалась моя супруга на лечение, и поистине стал я всем в тягость. Не скрою, случилось меж нами великое огорчение, и тогда решил я избрать стезю, которая и привела меня в сии глухие места...

Вот бес! Да не иначе, моего дядьку из дому выгнали? Калеку! Больного! Ну, семейка! Не потому ли та барынька в маске не велела бедолагу рыцаря домой везти?

– А я и рад, сеньоры, ибо шествуя путем странствующего идадьго, смогу я оказать помощь добрым христианам, защищая их от мерзких чудищ, коих, в милости своей, Господь и Дева Святая дозволили мне зреть. И, может статься, свершу я великий подвиг...

В последних словах славного рыцаря сквозила неуверенность. С подвигами у него что-то явно не складывалось.

– Нам стоит подумать о ночлеге, Начо, – негромко прого-

ворил лисензиат. — Вы, конечно, человек более опытный, но уже темнеет, а впереди я вижу какой-то ручей...

Опытный! Да какой уж опыт — на голых камнях ночевать. Я потому и не останавливался, что до харчевни какой-никакой добраться думал. Или хоть до хижины пастушеской. Да где там!

А ручей он сразу приметил. Молодец, толстячок!

Сначала меня укусил мерзавец Куло. Больно укусил, Задница проклятая! А все потому, что травы не нашел. Впрочем, и я бы на его месте кусаться начал.

Травы не было — не росла она тут, хвороста, чтоб костерок запалить — тоже. Я бы копьё рыцарево на растопку пустил, да вот беда — потерялось копьё, покуда мы удирали. Так что одно осталось — жуй всухомятку да водичкой запивай. Ну ровно как в монастыре каком!

И место мне не нравилось. Ну совсем! Ручеек маленький, со скалы сбегает, а скала громадная, прямо над головами висит. Не выдержал я, вверх по тропе пробежался. Да все без толку. Скалы, правда, там чуть потесниться изволили, зато голо, а под ногами — камень. И дорога, еще одна, поперек нашей. А у перекрестка этого столб торчит — каменный, вроде как в землю (то есть, в тот же камень, конечно) вбитый. Махнул я рукой и понял: нечего искать. Уже и солнышко за гору ныряет, один краешек остался. Так что болеть моим бокам на этих скалах! Хоть бы плащ пастушеский был, сайаль

который. Знал бы, у парней из Месты прикупил!

Сел я на корточки и загрустил. Сеньор Рохас рядом при-
мостился – чтобы мне самому грустить не так скучно было.
Одному Дону Саладо хоть бы хны, у него бока железные –
спи, хоть на гвоздях. Обернулся я, дабы на рыцаря своего
перед сном взглянуть, ан глядь – нет рыцаря. Не иначе за
скалу завернул – нужду справить. Воспитанный он у нас!

– Расскажите что-нибудь, сеньор лисенсиат, – вздохнул
я. – Грустно оно как-то!

Передернул толстячок плечами, в сторону посмотрел.

– Знаете, Начо, ваша жизнь поинтереснее моей. Так что
вам и рассказывать!

И вновь подивился я – в который уж раз. Это когда же
образованный человек случай упустит языком потрепать? Да
быть того не может!

– Да чего уж тут рассказывать, сеньор Рохас! Родители по-
мерли, когда я совсем сопляком был. Я ведь даже имен их не
знаю, только фамилию запомнил. От голода померли. Голо-
духа тогда в Астурии у нас была страшная – почитай, все село
вымерло. Вот и пошли мы с дружкой моим на юг, чтоб про-
кормиться. А его дорогой собаки разорвали. Большие такие,
их с островов Канарских привозят, чтобы на людей спускать.
Мы тогда с голодухи-то этой в сад чей-то залезли...

Прикрыл я глаза, губу закусил. И действительно, что вспо-
минать? Как эти псы Хуанито, друга моего, на части рвали,
а он все кричал, все умирать не хотел? Как я после этого три

года заикался, говорить почти не мог? Спасибо падре Рикардо – выходил, на ноги поставил...

Да, один человек мне в жизни и встретился – такой, чтоб настоящим был. Эх, падре Рикардо! Если б все это сейчас случилось, я бы за него всех парней с Берега поднял, сам мертвым лег, а тем гадинам зеленым не отдал бы! А тогда что, мне только-только тринадцать исполнилось. Или меньше даже...

– Извините, Начо, – тихо-тихо проговорил сеньор Рохас. – Я не хотел...

Дернул я плечом, думал сказать, что все пустяки это, ведь я – пикаро, а пикаро никогда на жизнь не жалуются, потому как сами никого не жалеют, значит, и чужого сочувствия не ищут...

Хотел сказать – не успел.

– Начо!!!

Я чуть не подпрыгнул. То есть не чуть – вскочил, рука у пряжки, где дага...

Дон Саладо!

Борода-мочалка – дыбом, в глазах – пламя плещет, переливается.

– Начо, там... Там... Рыцарь! Странствующий рыцарь! У перекрестка!

Фу ты!

Первая мыслишка – связать. Связать, воды из ручейка на-

братъ, да той водичкой идальго нашего и попользовать – охолонул чтоб. Вторая – жалко все же...

– Да нет там никакого рыцаря, ваша милость, – махнул я рукой. – Еще скажите – василиск!

– Нет, нет, Начо! – даже голос его задрожал, от переживания, видать. – Копье! Копье мне! Верил я, верил, сеньоры!..

И уже на конька своего взбирается. Плохо это у него выходит – с одной-то рукой. Но – взобрался. Взлетел даже.

– Вперед, сеньоры!

– Давайте сходим, – невозмутимо предложил лисенсиат. – Может, какая-нибудь коза забрела...

Не стал я спорить. Почему бы перед сном не прогуляться? Только бы с козой этой рыцарь мой битвы не начал!

А Дон Саладо...

– За мной, сеньоры! Санто-Яго Компостело-о-о-о!

И – простучали по камням копыта.

– Поспешим, – вздохнул я. – А то свалится еще!

А вот скала позади. Крутой подъемчик, запыхался даже!

Ну, где коза?

Поглядел я туда, где перекресток. Поглядел.

Обмер...

Над горами – вечер красный,
Словно кровь лилась по небу,
Скалы лезут к поднебесью,
В небеса зубцы вонзают.
Перекресток, камень черный.

И стоит недвижней камня
Рыцарь на коне огромном
В темном шлеме и в кольчуге,
А рукой копьё сжимает.
Конь копытами уперся,
Словно вылит он из бронзы,
До земли свисает грива,
На боках парча золотая...
Я хотел перекреститься,
Да не смог – застыли пальцы.

И все-таки перекрестился – после того, как пальцы по одному расцепил. В ладонь впились, чуть ногти кожу не порвали.

Не исчез! Стоит, копьё – к небу, не двигается, даже страшно мне стало...

То есть не «даже»...

– Из королевского войска, похоже, – неуверенно проговорил сеньор лисенсиат, близоруко всматриваясь в неожиданно-го гостя. – Странно, вся конница сейчас у Гранады...

И тут я очнулся. Очнулся, пот холодный со лба вытер. И вправду, этак и спятить можно! Конечно, какой-нибудь кабальеро или просто стражник, дорогу от разбойников стережет...

Эге, а со стражниками лучше бы не встречаться! Да как не встретиться, если Дон Саладо...

...Вот он, Дон Саладо! Уже у камня. Ну, все!

– Приветствую вас, о благородный рыцарь, возле этого перекрестка. Не могу ли я помочь вам исполнить некий обет? Или желаете вы скрестить копыя во имя прекрасной дамы!

А у самого голос дрожит пуще прежнего. Ну, еще бы! Эх, не выберемся! Кликнет сейчас этот железный подмогу, набегут алыгвазилы с веревками...

– Привет и вам, рыцарь! Рад я встрече с вами, хоть и дивной она мне кажется. Но в любом случае Хорхе Новерадо рад приветствовать собрата по доблести. Правы вы, рыцарь, имею я некий обет, однако же не помочь вам мне его исполнить...

Глухо так его голос звучал, странно. Это потому, что шлем у него с забралом. Большой такой шлем – как горшок.

Пока мой идальго этому Хорхе представлялся (по полному списку со всеми Торибио и Кихадами), пока я глазами лупал, ушам своим не веря, толстячок задумался, нос принялся свой короткий чесать.

– Знаете, Начо, я где-то уже слышал это имя. Хорхе Новерадо, гм-м...

Может и встречал, да не это сейчас важно. Как бы рыцаря моего этот Новерадо не зашиб! Пока разберется, с кем дело имеет...

– Обет же мой, сеньор Саладо, в том состоит, чтобы мимо сего камня никого из гостей незваных не пропускать, не вызвав его на честный бой...

Ой! Сейчас начнется!

— О, сеньор Новерадо! — мой идалго вновь подпрыгнул, на этот раз вместе с коньком. — Поистине это истинно рыцарский обет! И готов я немедленно...

Я понял — пора. Иначе собирать мне Дона Саладо — по кусочкам.

Дагу вынуть? Нет, рано еще...

— Добрый вечер, сеньор, — начал я, поближе подойдя и на железного этого поглядывая. — Мой славный хозяин, Дон Саладо, охотно поможет исполнить вам обет... но не сейчас.

— Что ты говоришь, Начо!.. — вспыхнул доблестный идалго, но я только плечом двинул.

— Хозяин мой недужен, как видите, а это, знаете, не по-рыцарски будет — с хворым да сухоруким биться. А ежели вам подраться приспичило, то Начо Бланко к вашим услугам!

Говорю — а сам в прорезь, что поперек его горшка-шлема идет, всматриваюсь. Внимательно так. Он, конечно, при коне да в железе...

Но и не таких резали!

— Приветствую тебя, храбрый эскудеро, — вздохнул сеньор Хорхе Новерадо. — Твой порыв поистине рыцарский, однако же не намерен я нанести твоему хозяину какой-либо вред. Не от христианских рыцарей стерегу я эту дорогу, вам же очень рад, ибо давно, очень давно не было в замке моем гостей... Не мог бы ты представить вашего спутника? Он, я вижу, человек ученый...

В общем, познакомились.

– Вспомнил! – сеньор лисенсиат даже пальцами в воздухе щелкнул. – Новерадо – известный род из Старой Кастилии! Ну конечно!

Мы снова ехали вверх между скал. Дон Хорхе с Доном Саладо впереди, мы с толстячком – чуть поодаль.

– Новерадо прославились два века назад, когда шли бои за Андалузию. С одним из них случилась какая-то история, очень неприятная...

Мне, признаться, все равно было. Мало ли родов знатных у нас в Кастилии? Астурийцы, земляки мои, между прочим, все до единого дворянами считаются, потому как нами ни дня мавры не владели. Оттого и белые мы – кровь сберегли.

Хоть и давно все это было – а приятно. И что не на камнях ночевничать выпало – тоже приятно. Вовремя мы этого рыцаря встретили! Скучал, наверно, в своем замке – и поехал прогуляться, воздухом горным подышать.

...А что тут, среди скал живет – тоже понятно. Слыхал я, в последние годы многие из тех, что познатнее, подальше от Вальядолида переселились. Крепка, говорят, рука у королевы Изабеллы! Вот и отсиживаются кто где.

Но все-таки в этом всем было что-то странное. Но вот что? Ломал я голову, ломал...

– Вы обратили внимание, Начо, – продолжал между тем лисенсиат, – какие у сеньора Хорхе доспехи? Старинные, такие сейчас немало стоят!

Ну конечно! Толстячок-то наш по всем этим тарчам да саладам – первый знаток.

– Его шлем – это же topfhelm! Очень характерный, с бармицей... Сейчас такой только в какой-нибудь старой церкви и увидишь. И наколенники, заметили?

Загорелся сеньор лисенсиат. Любит он, видать, старину!

– Он не в латах – в кольчужной рубахе. Такие доспехи были у самого Сиды! То есть, конечно, не совсем такие...

А по мне, что Сид, что Артуро, что Ланчелоте. Другое непонятно...

Только вот что?

Ага, вот и подъем кончился!

Замок!

Стены черные – зубцами,
Плотно заперты ворота,
А над всем – донжон темнеет,
В узких окнах – сгустки тени.
Словно спит химерный замок,
Заколдованный навеки.
Глухо бьют копыта в камень,
Тишина вокруг, молчанье,
Словно к склепу подъезжаем.
Только вдруг запели трубы,
И ворота заскрипели.
Вот и факелы на стенах.
Засветились враз окошки,
Ожил замок! Словно сняли

Вековечное заветье.

Повернулся к нам дон Хорхе,
С головы снял шлем тяжелый,
Улыбнулся, руку поднял:
«Вас приветствует Анкора!
Будем рады мы гостям!»

ХОРНАДА VII.

О том, как сеньор Хорхе Новерадо играл с нами в старинную игру.

Паренька этого я сразу приметил, как только мы во двор въехали. То есть, не совсем чтобы приметил – темно уже стало, ночь совсем. А факелы, известное дело, шага на два тьму прогоняют, а дальше чернота вроде бы как сгустком идет. Так что я все больше угадывал. Да и что угадывать? Бывал я в таких замках. И в Кастилии (она ведь в честь замков и названа), и в Италии – там крепостей таких хоть ослом моим ешь. Этот-то замок, Анкора, по сравнению с ними совсем скорлупка. Ну, двор понятно, стражники в кольчугах, слуги с факелами (все мрачные какие-то, из-за темноты, видать). Ну и паренек этот – возле самого крыльца, что ко входу в донжон идет. Стоит себе такой невысокий, худой, узкоплечий, в плаще до пят – и лобастый, хоть сейчас бодаться начинай. А нас с доном Хорхе (понял я уже, что этот Новерадо не просто «сеньор», а «дон», зря, что ли, замком владеет?) увидел – дернулся и вперед аж побежал. А мы как раз с одров наших слазили.

– Сеньор Новерадо! – громко так, испуганно. – Отец! Что случилось?

Заведено так у благородных – родителей полным именем

титуловать.

А дон Хорхе ласково так его по плечу:

– Случилось, но думаю, все это к добру. Познакомься с гостями, Инесса!

Кто?

Он (она?!) к нам поворачивается, а глаза испуганные почему-то (огромные такие глаза, темные, утонуть можно):

– Извините, благородные сеньоры! Просто гости к нам жалуют так редко...

– Инесса, – улыбается сеньор Новерадо. – Моя единственная дочь. А это...

Ведь почему я перепутал? Темно потому что, опять же плащ, и на голове у него, у нее, то есть, шапочка какая-то дивная, не носят у нас таких.

Ну, поклонились, Дон Саладо чуть ли не в пояс согнулся, а после в донжон замковый пошли. А покуда по ступеням вверх карабкались, я все понять не мог, отчего они дом себе не выстроят. Кто же это сейчас в донжоне живет? Соседи у них буйные? Так ведь нет, вроде, тут никаких соседей!

Пока за стол садились, пока ужинали, я все молчал больше. Обычное дело: не понимаешь чего – молчи. А тут много вокруг непонятного было. Бедно очень, стены каменные, только в зале круглом, где стол накрыли – побелка. Ну, бедность – дело привычное, да только тут странная бедность какая-то. Стены голые, а на них – оружие в камнях цветных

да ковры – тоже цветные. Ну, по оружию это больше Дон Саладо вкупе с сеньором Рохасом знатоки (то-то они от меча к мечу кидались!), а вот с коврами...

Возили мы такие! Из Алжира (будь он неладен, хуже Сицилии), из Берберии, из Туниса. Да за дюжину ковров таких можно целый дом построить. А тут их не дюжина – больше. И гобелены (эти мы из Прованса к нам сплавляли), а на гобеленах – рыцари в шлемах, дамы в платьях старинных. Дали бы мне их, так я за месяц дону Хорхе особняк в центре Севильи купил! На Морской улице, скажем, возле самой Хиральды-колокольни.

Ну, да не мое это дело. Живут – и живут. У тех, что самые благородные, свои причуды. Только вот не все это оно, непонятное. За столом сидим, Дон Саладо с лисенсиатом-толстячком в два голоса чего-то рассказывают, а я их не слушаю, за хозяином да сеньоритой Инессой незаметненько так слеживаю. Они, ясное дело, вежество свое кажут, улыбаются, кивают даже. А в глазах... Вроде бы как заглянул к папаше Молинильо на двор его постоялый настоящий великан. Влез в комнату, на пол сел, головой в люстру уперся и стал бы про дела свои великаны излагать.

Так что и вправду дивно. Тем более, Дон Саладо молодцом себя держал – людоедов с великанами этими в стороне оставил и все больше про войну с маврами рассказывал, да про Малагу, да про старого короля Хуана, да про короля Энрике, при котором смута была, и про нашу Изабеллу, конеч-

но.

А дон Хорхе с дочерью все переглядываются, а Инесса (то есть, понятное дело, сеньорита Инесса) губку так закусывает – волнуется...

...К ужину она переодеться успела, и вновь я удивился. Ну где так одеваются? Платье длинное, до горла самого, на голове шапочка, но уже другая – совсем маленькая, бисером шитая. Или я не знаю, чего дамы с девицами нынче носят? Такое платье вкупе с шапочкой только на гобеленах, что на стенах здешних висят, и увидишь.

Но и это – не мое дело. Тем более, покормили славно, и винцо неплохим оказалось. Только перца много – и в мясе, и в вине. Ну прямо рот горит!

...И перец мы тоже возим – из Леванта самого. Прав толстячок – незаменимый я человек!

А как поели, как руки розовой водой ополоснули (а вода-то – в миске серебряной!), встал дон Хорхе...

– Дорогие сеньоры! Должно мне пригласить вас в опочивальни, дабы отдохнули вы от пути долгого. Но ежели желание ваше будет, то посидим мы еще у огня и предадимся славной беседе. Ибо скажу еще раз – давно в замке моем гости не появлялись, и ценно для меня каждое слово ваше!

Переглянулись мы с сеньором Рохасом, потом с рыцарем моим. Устать мы, конечно, устали (один петух-василиск чего стоил!), но вроде как отдохнули уже.

И решили мы остаться. У огонька посидеть.

Слуги – смурные они тут, слова не скажут – стол разобрали, унесли, а мы в кресла сели. То есть, они все сели, а мне табурет достался. Ну, табурет – так табурет, мы люди простые. А вот что дон Хорхе дочь свою услал – жалко. Я бы на нее еще бы поглядел.

И ведь некрасивая! Лоб в пол-лица, губы маленькие, щеки какие-то впалые. Но ведь человек – это не лоб и не губы. Было в ней что-то! Недаром заметил я – те, что самые благородные, никакой красоты не имеют. Зато есть в них что-то этакое – даже не знаю, как назвать. Порода, что ли? Вот наша королева Изабелла...

Точно! Вот кого мне сеньорита Инесса напомнила. Ее, королеву нашу! Лицо, конечно, другое (лоб разве что тоже большой), но все вместе...

Или родственница какая? А почему бы и нет? У этих Трастамара – родичей пол-Кастилии. Может, и я тоже – родич?

Так что сижу я на табурете, об Инессе лобастой думаю, о королеве думаю, в огонь смотрю. Большой очаг, чуть ли не быка зажарить можно. А остальные по-прежнему о жизни толкуют. То есть Дон Саладо и толстячок толкуют, а хозяин наш, дон Хорхе – тот больше слушает.

Кивает.

Наконец подзывает слугу, кубок серебряный с блюда берет, к губам подносит. И нам – по кубку. А там – вино подо-

гретое с пряностями разными.

Пьем. Ставит дон Хорхе кубок обратно на поднос, слуге ладонью машет – мол, шагай отсюда, а сам встает, к очагу подходит.

Молчит.

Долго так молчит, затем к нам поворачивается.

– Много дивного рассказали вы мне, сеньоры! Редко тут гости бывают, так что мало мы с дочерью моей знаем о том, что деется за горами. Скажу больше, по причинам неким в замок наш попасть очень трудно, невозможно почти. Вы же и меня встретили, и в замок въехать смогли...

И – снова молчит.

Опять загадка! Наверно, разбойников тут – пруд пруди, потому и не доехать до Анкоры этой. Ну и повезло же нам!

А дон Хорхе подумал еще чуток, улыбнулся, бороду свою черную рукой тронул:

– Полно об этом! Хочу предложить вам, дорогие сеньоры, сыграть в некую старинную игру. Суть ее вот в чем состоит: каждый из вас расскажет случай, самый необычный в вашей жизни. Под необычным разумею я не случайность житейскую, а то, что истинной загадкой для вас осталось и разумом объяснено быть не может. Мы же все вместе выслушаем и решим, чей случай самым удивительным покажется.

И вновь мы переглянулись. Не люблю я откровенничать, душу выворачивать, но ведь сейчас вроде бы не о душе речь идет?

Переглянулись – согласились. А дон Хорхе меж тем продолжает:

– Играем же честно, сеньоры. Пусть лучше промолчит кто, ежели рассказывать не пожелает. Не стану говорить, что выдумывать в такой игре не должно...

Ну, это понятно! Дон Саладо мой весь подобрался, вперед подался, чуть с кресла не свалился. Сеньор лисенсиат ради такого случая окуляры на переносицу нацепил.

С него и начали – с сеньора Рохаса. Поерзал толстячок в кресле, ручки свои пухлые потер:

– Сказать я вам сперва должен, сеньоры, что как человек, к наукам склонный, не разделяю я суеверия веков минувших, равно как века нынешнего. И, право, смешно мне слушать тех, кто увлекается поиском камня философского или же будущность по звездам определяет. Но был все же случай...

Помолчал, вновь ручки свои потер, пальчиками покрутил.

– Гостил я как-то в городе Болонье, в университете тамошнем, старейшем во всем мире христианском. Как-то пригласил меня в к себе сьер Америго Батильери, человек весьма ученый, однако, увы, все свои средства тратящий на смешное суеверие, называемое алхимией. Был он учеником знаменитого Базилия Валентино и, как говорили, знался с самим Агриколой, который жил в Болонье незадолго перед тем. Пятеро нас в его доме собралось, причем все – люди достойные, достаточно в делах этих понимающие. И когда в

очередной раз изъяснили мы сьеру Батильери свое мнение, к алхимии относящееся, предложил он поразить нас неким опытом. Вначале мы не соглашались, поскольку знали, что опыты алхимические – суть обычные фокусы, подобные фокусам уличных бродяг. Но стал сьер Батильери настаивать, и, наконец, согласились мы. Сьер Вертулли, университета тамошнего профессор, послал слугу своего домой за памятной медалью, хранившейся в его семье. Медаль же та, серебряная, с блюдце целое величиной, вычеканена была еще при покойном папе Николае в честь юбилейного года, 1450-го от Рождества Христова. На медали был изображен сам папа Николай, на обратной же стороне – Мадонна с младенцем и ключи Святого Петра...

Тут даже мне интересно стало. Слышал я об этих алхимиках! Для одного из них мы из Турции какие-то камешки да порошки привозили. Дорого они ему обошлись – чуть ли не на вес золота.

– Осмотрели мы упомянутую медаль, все царапины на ней приметив, – продолжал сеньор лисенсиат. – А затем взяли острый скальпель и процарапали на ней свои вензеля – чтобы подменить ее невозможно было. После чего погрузил эту медаль сьер Батильери в алхимический куб, развел огонь и субстанции некие добавил. Мы же в стороне сидели, ничего из делавшегося не пропуская. Опустил же медаль сьер Батильери в куб ровно наполовину. И что же? Через два часа с четвертью извлечена была медаль, омыта и нам показана. И

– верите ли? – та половина, что в куб погружена была, золотой оказалась! Мы, подозревая в том фокус или, попросту говоря, обман, не пожалели медаль, на части ее разрубив и те части достойно осмотрев. И подивились, ибо серебро и вправду заместилось чистым золотом. Добавлю, что царапины все, нами примеченные, равно как вензеля наши, остались на месте. И с тех пор не знаю я, что и думать. Не верю я в алхимию, но верю глазам своим и глазам моих достойных коллег. Таков, пожалуй, мой рассказ будет...

– Славная история! – кивнул дон Хорхе, и мы с ним, конечно же, согласились.

...А я меж тем уже прикидывать стал, что неплохо бы нам с этим Батильери поближе познакомиться да поручкаться. Болонья, конечно, не ближний свет – но и не такой уж дальний.

Если не помер сьер Батильери, конечно. Или за колдовство не спалили.

А тем временем очередь рассказывать к моему идальго перешла. Я вначале и слушать не захотел. Начнет перечислять сейчас людоедов с великанами да с василисками. Опозорится, и себя дураком выставит, и нас!

Эх, надо было с самого начала игру эту не затевать. Поздно спохватились!

А Дон Саладо бородой-мочалкой дернул, голову вскинул: – Поистине есть у меня такая история, сеньоры! Хоть и немало в моей жизни случилось всяких чудес, и повидал я

всякое...

Я только вздохнул. Еще бы! Ну, сейчас, будет! «Еду я, сеньоры, и вижу замок людоедский...»

— ...но история эта и вправду дивной мне кажется. Под Малагой это было, когда только подступили мы к ее стенам. Воевал в войске нашем некий юноша из Ламанчи, фамилия же его с моей сходна была — Кехано. Не был он рыцарем еще, но воевал храбро, и обещали мы ему, что как только возьмем передовой бастион, что звался Гемера, то прямо на валу его посвятим онго сеньора Кехано в рыцари. Но за день до приступа, а было это как раз на праздник Святой Троицы, проклятые мавры совершили вылазку, и ранен был сей Кехано, причем ранен весьма тяжко, а посему и в лагере оставлен под присмотром братьев-траппистов, что больных и недужных пользовали. Приступ же весьма горяч был, и потеснили нас мавры, и сыграла уже труба отступление, когда узрели мы на самом валу сеньора Кехано без шлема, в одной кольчуге легкой. И бросился сей юноша на мавров, и поразил их без счета, и взяли мы бастион Гемера. Там же, на вершине вала, как и обещано было, дон Алонсо Энрикес, великий адмирал Кастилии нашей, посвятил сеньора Кехано в рыцари. И славили мы юношу этого, и поздравляли, и восхваляли Господа за великую победу...

Раскраснелся мой идальго, разволновался. Славный, наверно, был вояка!

— Когда же в лагерь мы вернулись, рассказали нам бра-

тъя-трапписты, что умер сеньор Кехано – как раз в самом начале приступа. И покоем тут же труп его, уже охладевший, и кровь была омыта, и на глазах лежали монеты медные. И с тех пор, сеньоры, не ведаю я, что и думать. Ибо не призрак воевал вместе с нами – сам я жал его руку, и была та рука горячей и твердой, и другие то видели, сам дон Алонсо Энрикес, великий адмирал, всему случившемуся дивился...

Помолчал Дон Саладо, головой в повязке мотнул. И мы помолчали.

– Дивный рассказ, спорить нечего! – согласился дон Хорхе. И – на меня взглянул.

А что – я? Я тоже всякого навиделся, расскажу – не поверят. Да только меня ведь спросили про самое-самое! И поди пойми, что это? Вот ребята с Берега считают, что везучий я. И Калабриец так думает, на самые опасные дела меня берет. И действительно, везет. А если подумать, то и вправду: в детстве, когда в Астурии жил, с голоду мог помереть – не помер, в Севилье раз сто зарезать могли – не зарезали. И на галеры («скамейку» – по нашему) не попал, и корсары алжирские в рабство не забрали.

Да все не то. А вот то самое... Тем более, честно говорить просили.

Отмолчаться? Неудобно вроде, толстячок рассказал, и идадьго мой калечный тоже...

– Не знаю, сеньоры, – вздохнул я. – Человек я не больно ученый, так что мало в таких делах понимаю. Может, почу-

дилось мне...

– Не смущайся, Игнасио! – улыбнулся дон Рохас. – Ибо верим мы каждому слову твоему.

...Для него я, понятно, не Начо – Игнасио! Благородный, вежество всякое знает!

– Ладно! – решил я. – Слушайте!

Никому я об этом еще не говорил – только падре Рикардо. Он-то мне поверил!

– Кажется мне... Ну, в общем, видел я Святую Деву Марию, заступницу нашу милостивую...

Выговорил – и сжался весь. Вот сейчас сеньор Рохас, губами своими улыбочку изобразит!

Нет, не изобразил толстячок. Слушает.

– То есть, сеньоры, я и перепутать мог, мне тогда лет шесть было. Мы с дружкой моим, Хуанито, как родители наши, царствие им небесное, с голодухи померли, на юг подались, в Андалузию. Ну, тепло там, хлеб есть. Да как-то погнались за нами собаки, у Хуанито нога подвернулась, упал он, закричал, а я не обернулся даже – страшно! Собаки эти проклятые не отстают – догоняют, много их там было, одни друга моего рвут на части, другие, стало быть, за мной...

За спиной – затихли крики,

Не орет уже дружок мой,

Помер, значит, Хуанито!

Плохо помер – хуже нету!

А канарские ищейки

Мне на пятки наступают.
Лай собачий да ворчанье –
Словно смерть в затылок дышит!
Под ногами – листья, листья,
Лес вокруг, бежать нет силы,
В горле сухо, будто камень
В рот зачем-то затолкнули.
А собаки – ближе, ближе,
Понял я – не убежать мне.
Вот и все, выходит, Начо!
Лучше дома бы ты умер,
Чем попал в собачьи зубы!
Тут деревья расступились,
За деревьями – дорога,
Перекресток и часовня.
Добежать бы! Сил уж нету,
Прыгнул камешек под ноги –
И упал я носом в землю,
Для канарских псов – закуска.
Только слышу голос чей-то,
Тихий голос, ровно шепот:
«Их уж нет! Не бойся, мальчик!
Я всегда с тобою буду!»
Приподнялся – где собаки?
Нет проклятых, ни следочка!
А у старенькой часовни
Словно пламенем одета,
В белом платё, в ризе белой
На меня глядит Она.

– Все ли с тобой в порядке, Игнасио? – спросил дон Рохас, заботливо так спросил. Мне даже не по себе стало.

– Да все в порядке, сеньор, – вздохнул я. – Переволновался только чуток, пока рассказывал. Бывает это!

– Поистине, сеньоры, это самая дивная история! – воскликнул Дон Саладо. – И отдаю я свой голос за то, чтобы признать моего славного эскудеро победителем в этой чудесной игре!

И все с ним согласились, спорить не стали. А я уже в себя пришел, поблагодарил, понятно – и снова странность приметил. Все мы о своем рассказали, а хозяин наш, сеньор Хорхе Новерадо – нет.

Как же так?

Не спалось мне ночью. Ну никак не спалось. И до тысячи считал, и по комнатушке, что мне досталась, из угла в угол ходил. Нет, не так что-то! И с доном Хорхе этим, и с замком. А в башку словно гвоздь забили – ведь заметил я что-то, еще там, у перекрестка! Заметил – а вспомнить не могу. Оно, понятно всякое бывает. Может, хозяева здешние – чудики, вроде моего идадьго. Тот за великанами гоняется, эти из гор носу на кажут.

Но все равно – не так что-то! Вроде, и бояться тут нечего, опасность-то я кожей чую, печенкой. Нет, не зарежут и маврам не продадут, но все же...

А как заснул, уже под утро, такое снится начало! Никогда ничего подобного не видел – даже во сне. Будто бы в горах я, в ущелье узком...

Латы блещут, крест кровавый
По плащу огнем растекся,
На руке моей – перчатка
Из тяжелой твердой кожи,
А в руке уже не дага –
Меч в руке из синей стали.
А вокруг – лихая сеча,
И веду я в битву войско.
Каждый воин – в белых латах,
И на каждом – крест алеет.
Подивился я такому –
Не иначе Дон Саладо
Сон мне этот одолжил!

ХОРНАДА VIII.

О том, как мне достался платок, завязанный семью узлами.

— Горы-то красивые, слов нет, — согласился я, глаза от солнца прикрывая, дабы эти самые горы получше увидеть. — Только, сеньорита, вы бы меня «сеньором» не величали, а особенно с фамилией вместе. Ежели честно, непривычно оно как-то!

...То есть, не в привычке, конечно, дело. Просто как услышу «сеньор Гевара», все начинает казаться, что я у севильского коррехидора³³. Он, гадина очкатая, вежливость изображает. Даже перед тем, как на дыбу послать, все «сеньор», да «сеньор». И — по фамилии! Не Бланко, а Гевара. Все знает, змеюка!

Впрочем, сам я виноват — спросила меня сеньорита Инеса, отчего это фамилия моя такая странная — не как у идадьго, вроде. Ну, а я, дурень, хвост распустил, что твой петух, и ляпнул: мол, Бланко — прозвище, не фамилия. Белый потому что, и монета еще такая есть, бланко. Маленькая совсем, в половину мараведи. А я тогда среди пикаро, что на площади Ареналь в Севилье собирались, самым маленьким и был. И белым самым.

³³ Коррехидор — королевский судья.

– Вы правы, Игнасио, – чуть подумав, кивнула сеньорита Инесса. Серьезно так кивнула, значительно. – Конечно, среди рыцарей, что каждый день с врагами смертно быются, нелепо соблюдать этикет, для дворцов придуманный. Но и вы, Игнасио, по имени меня зовите.

Чуть не подавился. То есть, не чуть – подавился слегка. Воздухом. За кого же лобастая меня принимает?

Да я уже понял – за рыцаря. Вернее, за рыцарского оруженосца – за эскудеро, значит. Этаким юноша благородный Игнасио Гевара по прозвищу Белый.

Белый Идальго почти! Ха!

А все потому, что утром мы так и не уехали. И собрались, вроде, уже, и Куло мой ушами дергал – застоялся, гулять хочет. Только вдруг прибегает лисенсиат наш, глаза – с двойной реал каждый, носик дергается, точно у кролика какого. Сеньоры, мол, сеньоры, я тут такое увидел! Мне хотя бы чашок, или два, или лучше неделю...

А увидел он книжки, библиотеку, то есть. Нам еще вчера дон Хорхе сказал, что в Анкоре этой книжки имеются. Мне-то что, а толстячок запомнил. Запомнил – и утречком попросил разрешения туда нос свой короткий сунуть.

Сунул – и очумел. Очумел, о невесте своей даже забыл.

И что тут делать? Хозяин наш, сеньор Новерадо, возражать не стал, Дон Саладо тоже. А мое дело маленькое.

Но вот что интересно. Сеньор Рохас, понятное дело, в

библиотеку нырнул – как раз она под тем залом круглым, где ужинали мы. А сеньор Новерадо моего рыцаря – хватъ! И увел. И тут только сообразил я, что книжки те вроде крючка с наживкой. Сеньор Новерадо толстячка нашего сразу раскусил, вот и закинул удочку. Видать, очень ему хотелось с Доном Саладо наедине остаться да поговорить по душам.

И скажите мне на милость, о чем? О великанах с василисками? Так вроде дон Хорхе в своем еще уме.

А меня сеньорита эта лобастая на самый верх повела. Горы показывать. Красные они тут! А небо не голубое даже – белое. От жары видать.

– Я часто сюда прихожу, – вздохнула сеньорита Инесса, на горы эти красные глядя. – Мир такой большой, Игнасио! А для меня мир – только это...

А я в затылке почесал. Ну и папаша у нее! Никуда дочку не пускает. Она же тут спятить может, в этих горах.

Вот бедняжка!

– Там, на юге Севилья, да? Какая она? Большая, наверно?

– Что? – очнулся я. – Большая? Это уж точно!

И действительно большая, за день не обойти. И за два тоже. Но я-то обошел! Так что я про Севилью нашу неделю рассказывать могу. И про Собор наш с Хиральдой Поднебесной, и про Триану, и про Башню Золотую, и про то, где какие лодки к набережной Гвадалквивира пристают, и про Морскую улицу, и про Мавританскую, и про площадь Аре-

наль. И про пригороды все...

Есть чего вспомнить!

– Сколь славно, Игнасио, что ныне Севилья принадлежит добрым христианам, – вновь вздохнула она. – Даже не верится! Наконец-то...

Хотел я сказать, что двести с хвостом лет назад она нашей стала, но, понятно промолчал. Лобастая, поди, только байки про мавров и слышала, вот и живет, как при Сиде Компеадоре.

– А ведь вы моряк, Игнасио? – в темных глазищах словно вспыхнуло что-то. – Как бы я хотела море увидеть!

– Ну, не совсем моряк, – смутился я. – Но море видел, это точно.

Не моряк, потому что канаты тянуть и румпель крутить – это для других. Пехота я – морская. Для того Калабриец меня с собой и берет. Для дел всяких интересных. Да только не рассказывать же этой лобастой, что такое abordaj, или как тюки с шелком в бурю с борта на борт перекидывать!

– Пойдемте! – маленький острый подбородок резко дернулся. – Спустимся ко мне, и вы мне все расскажете, Игнасио. Все, что помните! И про Севилью, и про море.

Все? Ну, сказала! Однако же, нечего делать – пошел.

А бедная у сеньориты Инессы комнатка оказалось! Ковер, правда, есть, и кровать балдахинном занавешена. И – все, если распятия не считать да двух табуреток. И еще лютня на

подоконнике лежит. Не балует дочку дон Хорхе, не балует!

Один табурет мне достался, другой – ей. Сел я, воздух выдохнул, потом вдохнул.

И – поехали!

Ох, как она слушала! Будто я из Индии или с острова Си-панго приплыл. Словно я – последний, с кем она в жизни разговаривает. Ну, а я уж стараюсь. Тут ведь с умом нужно. Про наши с Калабрийцем дела языком трепать не след, не для ее это ушей. Плаваю себе, и плаваю. А вот про города разные – можно. И как папу римского на площади Петра Святого видел – тоже можно. И про всякое другое.

Слушает – вся вперед подалась, глазища черные горят, пальцы четки перебирают. А я этак незаметно сворачиваю туда, где девицам особо интересно. Чего где носят, во что ножки обувают, какие сейчас привычки у девиц этих. Я не то чтобы знаток великий, но кого в каждом городе вперед всего примечаешь? Их и примечаешь, красавиц.

Вот и пригодилось!

Отчего-то ей, лобастой этой, больше всего про Венецию понравилось. И то, что на гондолах там плавают, и что дамы с девицами часами на крышах просиживают – волосы солнцем выбеливают. А особенно про цокколи – обувь ихнюю, новую, самый писк. И действительно, каблук – в локоть от земли! Ходят, как на ходулях, бусами да серьгами позвякивают. Цок-цок, цок-цок! Оттого и назвали.

Рассказал я про эти цокколи. Выдохнул, на солнышко по-

глядел. Ого, считай полдня трепался! Как только язык еще движется?

– Спасибо, – кивнула она, значительно так кивнула. – Это все... Это все очень важно.

Хотел я пошутить – насчет цокколи, но понял – нельзя. Серьезная она девочка (то есть, конечно, сеньорита). Даже слишком. Ни разу не улыбнулась даже!

– Я знала, что мир большой, но не знала, что он такой... Такой разный. Жаль, мне не увидеть!

Грустно так сказала! Что за бес? Или дон Хорхе до конца дней дочку солить в этих стенах собирается? Ведь замуж выдавать уже пора!

Подумал – и язык прикусил на всякий случай. Ну и мыслишки у тебя, Начо!

– Так ваш замок тоже ничего, сеньорита... То есть, Инесса, – ляпнул я. – Крепкий такой замок! И горы красивые, значит.

Не ответила. Дернулось лицо – словно ударил ее кто.

– Этот замок... Его называли Заком Королевской Измены. Вы слышали, Игнасио?

– Да откуда мне слышать-то? – развел я руками. – И какому-такому королю тут изменили?

– Не королю, – тихо-тихо ответила она. – Значит, и это уже забылось... Тогда Кастилией правил король Альфонсо.

– Слышал! – обрадовался я. – Который Севилью вернул?³⁴

³⁴ Севилью отобрал у мавров король Фердинанд III Кастильский, но в народной

– Да... – еще тише ответила она. – Но это случилось раньше, тогда в Севилье были еще мавры... Есть один романсiero, очень старый...

Встала, плечиками дернула, словно морозом ее пробрало, отвернулась.

– Если хотите... Я могу спеть.

– Еще бы! – обрадовался я. – Хочу, понятно!

А что? Люблю, когда девицы поют. И когда танцуют – тоже люблю. А вот когда грустят – это лишнее. А Инесса как раз загрустила чего-то, так пусть развеселится чуток. И я слушаю.

Подала голос струна – негромко так, чисто. Затем другая, третья...

– Редко я играю, – наконец-то улыбнулась она, – а пою еще реже. Но...

И тут – словно стерло улыбку. Сжались губы, блеснули глаза.

– Слушайте!

Чуток помолчала, глаза на миг прикрыла.

Легли пальцы на деку...

Разошлась молва в народе,
По Кастилии свободной,
По Леону и Наварре,
Будто зол король Альфонсо,
Спать не может он от гнева,

памяти эту заслугу приписывали его предшественнику Альфонсо.

Ходит тяжкими шагами
По дворцовым он покоем,
Кулаки сжимая с хрустом.
И не мавров проклиная,
Не безбожных сарацинов.
Зол король на дона Хорхе,
Повелителя Анкоры.
Славен Хорхе Новерадо,
Всей Кастилии известен,
Не пускает Хорхе мавров,
Что гнездо в Севилье свили,
Через горы Сьерра-Мадре.
Каждый день стоит на страже,
Все наскоки отбивая.
Всем богат дон Новерадо,
Но иных богатств дороже
Дочь, прекрасная Инесса.
И слушок в народе ходит,
Будто сам король Альфонсо
Кликал юную девицу,
В свой дворец в Вальядолиде,
Ибо в ссоре был великой
С королевой, доньей Кларой.
Только гордая Инесса,
Честь свою оберегая,
Отказала королю.

А Севилье мавританской
На берегах Гвадалквивира

В своем замке Алькасаре,
Что из золота построен,
Абенгальб, эмир севильский
Тоже с горя спать не может.
Вновь разбиты его мавры,
Снова Хорхе Новерадо
Не пустил их в Сьерра-Мадре,
Разгромил у стен Анкоры!
Абенгальб письмо читает,
И лицо его светлеет,
Ибо пишет Абенгальбу
Враг его, король Альфонсо:
«Есть на чем нам помириться!
Потому пошлю приказ я,
Чтоб открыл тебе ворота
Гордый Хорхе Новерадо.
Смерть его – тебе награда,
Мне же – дочь его Инесса.
И на том с тобой поладим!»
И восславил Магомеда
Абенгальб, эмир севильский,
И велел седлать коней.

В темноте не спит Анкора.
На высокой черной башне
Сам дон Хорхе Новерадо
Вместе с дочерью Инессой.
Слышат – в трубы затрубили,
И несет гонец известье,

Что король приказ прислал им:
Открывать скорей ворота
И впустить в Анкору войско,
Чтобы вместе биться с мавром.
Говорит отцу Инесса:
«Это – черная измена!
Мавританский слышу говор,
В темноте тюрбаны вижу!»
Отвечает ей дон Хорхе:
«Не бывало и не будет,
Чтобы я, дон Новерадо,
Вдруг ослушался приказа.
Если ж это все измена,
Пусть Господь меня рассудит,
С королем моим Альфонсо!»
И ответила Инесса,
Поднимая вверх распятыё:
«Слышит нас Святая Дева!
Пусть же мне она поможет.
Если враг ворвется в замок,
Даст мне силы в миг последний
Вниз шагнуть вот с этой башни!»
А отец ее, дон Хорхе,
Тоже руку к небу поднял:
«Даже если я погибну,
Пусть навеки здесь останусь,
Чтоб стеречь мне эти горы
От проклятых сарацинов!
И пускай сгорит Анкора,

В черный пепел обратится,
Даже мертвый, не позволю,
Чтобы мавр пришел в Кастилью!»
Обнял дочь дон Новерадо
И спустился вниз к воротам.

Замолчала, положила лютню обратно, пальцы сцепила...

Ну, вот! А я думал, веселее станет! Хотя какие могут быть песни в таком замке?

Хотел спросить я, что дальше случилось (вечно эти романсiero на самом интересном месте обрываются!), но не спросил. И так понятно. Об ином узнать захотелось.

– Выходит, Инесса, тот дон Хорхе так же звался, как ба-
тюшка ваш? А дочка его...

Не дослушала, кивнула. Кивнула, к окошку узкому подо-
шла, вниз поглядела.

Обернулась.

– Ваши друзья уже во дворе, Игнасио. Пора вам.

Встал я, улыбнулся, руками развел.

– Погодите!

Резко так сказала лобастая, руку подняла. Растерялся я
даже.

Подумала чуток, губки сжала, подошла к полке, сняла ла-
рец. Маленький такой, из дерева полированного.

– У меня... У меня к вам просьба, Игнасио. Когда буде-
те в Севилье, зайдите в собор. Тот, где самая высокая коло-
кольня.

– Хиральда-Великанша которая, – кивнул я. – Зайду, если просите.

– Оставьте его там, где-нибудь ближе к алтарю. В этом ларце нет ничего, что могло бы осквернить святое место. Вот, посмотрите...

Достала ключик, провернула два раза. Заглянул я, а внутри – непонятно что.

– Это платок, – строго сказала она. – На нем семь узлов, очень сложных. Платок старый, ему, наверно, лет двести...

Ну, сказала! Новенький такой платочек, шелковый. А узлы и вправду – на славу. Прямо-таки морские.

– Это легенда, Игнасио. Просто легенда и ничего больше. Но пусть платок останется в Доме Божьем!

– Ну, как хотите, – согласился я. – Только у вас ведь в замке тоже церковь...

– У нас часовня, – перебила Инесса. – И не вздумайте развязывать узлы. Ни в коем случае!

– На-а-ачо-о-о!

Эге, а это внизу, Дон Саладо мне голос подает!

– Все ясно, сеньорита, то есть, Инесса, – бодренько заявил я. – Ларец – к алтарю, узлы не развязывать. Будет исполнено!

А самому как-то кисло сделалось. То ли не договорили мы с Инессой этой, то ли кто из нас лишку сказал.

И потом... Я уеду – она останется: в этих стенах куковать да на горы красные глядеть. Не мое это, вроде, дело...

Или мое? Что за бес, опять непонятно!

А она, Инесса, улыбнулась – второй раз за весь разговор. Улыбнулась, что-то маленькое мне протянула:

– Это вам на память, Игнасио. Носите на воротнике, лучше, чтобы никто не видел.

И – в глаза мне взглянула. Серьезно так, со значением. Я как в глаза ее черные поглядел, так и о подарке забыл. Сжал в кулаке – и все.

А если честно, то не только о подарке – обо всем запамятовал. Да чего уж тут!

Кулак я уже во дворе разжал, когда на Куло своего взбирался. Дон Саладо, орел наш, уже на коньке своем восседает, сеньор лисенсиат на муле, окуляры нацепил, бумажку какую-то читает, оторваться, грамотей, не может. И мне пора.

Поглядел, а на ладони моей – булавка. Да не простая, серебряная, с синими камешками, маленькими такими. Яркими!

Эге, оберег. Да еще из серебра! Молодец, лобастая, понимает!

Нацепил я эту булавку на воротник рубахи, даже приятно стало. Все?

Нет, не все. Ларец! Подумал я, достал ключик, вынул платок – и на груди спрятал. Сохранней будет! А ларец пока и во выюке полежит, не пропадет. И тоже – приятно. Вроде как рыцарь я, что платок дамы своей на груди у сердца греет.

Подумал – и чуть за ухо себя не дернул. Окстись, Начо!

Тоже мне, Белый Идальго нашелся!

– Готовы, сеньоры? – это Дон Саладо, весело так, не иначе, отдохнул в этих стенах, сил рыцарских набрался.

Да чего уж там, готовы. А вот и дон Хорхе. Улыбается в бороду свою черную.

– Счастливого вам пути, сеньоры! И да минует вас зло. Да пребудут с вами Господь и Дева Святая!

– Амен! – это мы, в три голоса.

Ух, красиво получилось!

– У нас примета есть, – смеется сеньор Новерадо. – Просто примета, старинная, не больше, но все-таки... За воротами не оглядывайтесь, пока до перекрестка не доедете. И в этом просьба моя будет...

Ну, ясное дело, я и сам в приметы верю. Да только чудной замок! Приметы, легенды, обереги... Впрочем, кто их, благородных, поймет?

Обернулся я – как раз перед воротами, чтоб обещания не нарушить. Обернулся, наверх посмотрел...

На самой вершине донжона стояла Инесса. Стояла, на нас смотрела. А затем рукой махнула – раз, другой.

И показалось вдруг, что именно мне она машет...

Креститься надо, ежели кажется, Начо!

Вздохнул я, кончик носа отчего-то почесал.

Отвернулся...

За воротами Анкоры,

Где дорога к скалам жметя,
Вдруг очнулся толстячок наш,
От бумажки взгляд свой поднял,
Усмехнулся этак едко:
«Мне в приметы верить стыдно!»
И – немедля обернулся,
Поглядел опять на замок.
Поглядел, снял окуляры,
Головой качнул и молвил:
«Что-то жарко нынче стало!
Или холодно, не знаю!»
Мы с идальго удивились:
Что за притча? День нежаркий,
И с чего наш муж ученый
Пот платочком вытирает?
Эка вдруг его прошибло!

ХОРНАДА IX.

О том, как мы лечили сеньора лисенсиата по его же системе.

– Вперед, сеньоры, вперед! Поспешим, ибо, чую я, ждут нас славные подвиги!

Если кто и чувствовал себя наилучшим образом, то это, конечно, Дон Саладо. Приободрился, даже как-то шире в плечах стал, повязку сбросил, шлем-тарелку на уши свои оттопыренные надвинул, бороду-мочалку распушил. И конек его почуял что-то словно, копытами бьет, из ноздрей – чуть ли не пламя с дымом.

А мы с сеньором лисенсиатом на призывы горячие даже не откликались, потому что и так вперед ехали. Вперед – и вниз. Горы уже поменьше стали, вроде как отступать начали, а слева, в ущелье, речка зашумела. Реку эту толстячок сразу узнал, да и я узнал – Сухар, его еще Сухаром Бешеным называют. Ну, это он весной Бешеный, а сейчас плещет себе и плещет. И течет куда надо – напрямиком к Гвадалквивиру.

В общем, тут я бы уже и без сеньора лисенсиата не заблудился. Тем более толстячок, как только замок мы этот, Анкору, позади оставили, в задумчивость впал. Даже не впал – вгруз. Носик свой короткий чуть ли не до груди опустил, насупил, и лишь усиками тонкими – дерг-дерг. Тик на него

напал, что ли?

А я и сам помалкивал, потому как было о чем мозгой пораскинуть. Рыцари, замки, легенды всякие да девицы красивые – это больше для Дона Саладо...

...Хотя насчет девиц – тут еще подумать следует. Зацепила меня сеньорита Инесса! И чем – не пойму даже.

И вообще, горы эти словно для идадьго моего нарочно взгромоздили. Катайся тут сто лет, великанов с василисками разыскивай. И места подходящие, и людям никакого вреда. Да только горы скоро позади останутся, и въедем мы в королевство Кастильское, где в каждом селеньице альгвазилы на тебя косятся, где по дорогам Святая Эрмандада таких, как мы, гоняет-ищет.

И если бы только это! Мне еще свои эскудо отработать надо. А там и Севилья...

Ну, о Севилье я решил после подумать, иначе мозги набекрень свернуть можно, и будут они вроде шлема Дона Саладо. Оно бы до Гвадалквивира доехать в такой-то компании! Один мой идадьго калечный чего стоит, а тут еще и толстячок...

– Скажите, Начо, не приходилось ли вам наблюдать некое явление природное, именуемое арабским словом «мираж»?

Я даже головой мотнул. Ну и пляшут мысли у сеньора ли-сенсиата. Мираж ему подавай!

– Отчего же, приходилось, сеньор, – поспешил согласить-

ся я. – Да кто же эти миражи не видел? Особенно если жарким летом, вроде как сейчас. И воду на камнях голых видел, и целый лес видел, и города даже.

...Особенно в Берберии, как ветер этот проклятый задует, сирокко который. Да ну ее, Берберию, там только верблюды жить и могут!

– Это хорошо, – вздохнул толстячок и лоб платком вытер – в который уже раз. – Это хорошо, Начо!

Хотел я узнать, чего же тут хорошего, да не стал. Что-то не так с нашим лисенсиатом. Приболел, что ли?

А дорога все вниз и вниз, а Сухар все громче плещет, ущелье заполняет. И под плеск этот стал я думать о всяком-разном, а все больше о сеньорите Инессе отчего-то. Не только о ней, конечно. И о Севилье тоже. Ох, и много дел у меня в той Севилье, а как поразмыслить, все к одному сводятся...

Только бы человек мне нужный на месте оказался! Да еще хорошо бы человечка этого не в Соборе и не в Башне Золотой прихватить, а где-нибудь как раз посередине, потому как светиться ясным месяцем мне не след. Ну, никак не след!

В общем, задумался. Задумался, и не заметил даже...

– Начо! Начо!

Вначале показалось – сеньор лисенсиат зовет. Ан нет – Дон Саладо. И озабоченно так. Великана приметил, что ли? Как раз вон и скала подходящая, впору будет...

– Нам надлежит вернуться, Начо! Ибо спутник наш...

Толстячок! Оглянулся – нет толстячка. Вот бес!

– С мула свалился? – брякнул я первое, что на ум пришло.

По глупости брякнул: свалился бы – голос подал. Или хотя бы плеснуло, ежели он головкой – да в ущелье.

Фу ты, мыслишки!

– Отнюдь! – покачал своим шлемом доблестный идадь-го. – Однако же...

Что за «однако же» мы узнали, как только одров наших поворотили и за уступ скальный заехали. Сидит бедолага лицензиат на камешке, голову руками обхватил, а мул его рядом бездельничает, травку, от жары желтую, пощипывает.

– Сеньор! – воззвал рыцарь голосом, что твоя труба. – Добрый сеньор Рохас! Уж не случилось ли чего с вами?

Нашел, что спросить! И так ясно. А вот что именно...

Думали – не слышит. Нет, почуял толстячок. Почуял, голову от ладоней оторвал (или наоборот, не разберешь)...

– Кажется... Кажется, сеньоры, захворал я изрядно. И хворь моя...

Этого еще не хватало! Подскочил я, первым делом за лоб его взялся. Лоб, как лоб, не горячий, не холодный...

– ...немалое опасение мое вызывает!

А я уже его за средний палец тяну – верное средство, если нутряность прихватило. Тяну, значит...

– Нет, нет, Начо! Хворь моя скорее меранхолическая, правильнее же выразиться «меланхолическая», ибо слово сие, в языке нашем искажаемое, от греческого происходит...

И тут я пуганулся – всерьез. А не спятил ли толстячок наш? То-то после замка он сам не свой!

– Надо бы лекаря, – заметил Дон Саладо. – А не ведаешь ли ты, Начо, есть ли таковой в селении ближайшем?

Я только отмахнулся. Селение, ближайшее которое, это Касалья-де-ла-Сьерре, не селение даже – городок. Да только откуда там лекарь? Там скорее крысомора найдешь!

...Хоть по мне, что лекари наши, что крысоморы – одни других стоят. Не все, конечно. Но многие!

– Суть же хвори моей, – продолжал меж тем лисенсиат, – в неадекватности, с которой я мир наш воспринимаю.

Как услышал я слово «неадекватность», так сразу понял: лечить! Лечить – и немедленно!

Кое-что мы с Доном Саладо все-таки уразумели. Не спятил толстячок, хвала Деве Святой. Не спятил – но кажется ему, сеньору Рохасу, что все-таки завелись в башке его ученой тараканы. А отчего – не говорит. Мы его и так спрашивали, и этак. Есть, стонет, причина, а потому, мол, в себе я сомневаюсь.

А я на Дона Саладо между тем поглядываю. Ну, точно, он заразу разносит! Сначала я чуть было не повелся с мечом этим шербатым да с василиском (вспомнить стыдно!), теперь вот сеньор Рохас, даром что ученый человек. Только у него, книжек начитавшегося, башку на другую сторону перекосило.

Вздыхнул я, припомнил всю толстячкову систему, кото-

рую он на идалъго нашем опробовать хотел.

Все равно, хуже не будет!

– А доставайте-ка, сеньор лисенсиат, бумагу! – велел я. – И окуляры свои не забудьте. Сейчас с Божьей помощью рисовать станем!

Подчинился! Бумагу достал, лаписъеро свой свинцовый.

– Извольте, сеньоры! Да уж не знаю, будет ли толк...

Сначала мы за горы взялись, которые вокруг. Толстячок их рисует, а мы смотрим. Смотрим – и успокаиваемся понемногу. Все как есть: скала двуглавая, скала с уступом, вот и ущелье, вот и башня вдали, старинная, еще мавры строили.

...И ведь что любопытно: Дон Саладо тоже в деле нашем участвует, на рисунок глядит, и – ничего. В смысле, ни замков, ни великанов. Видать, просветление на дядьку нашло. И славно, если так!

Покрутил лисенсиат рисунок в пальцах своих пухлых, оглянулся:

– Нет, все равно не так все! Ибо неадекватность моя прежде всего с замком, что мы недавно покинули, связана.

Делать нечего – стали замок рисовать. И со стороны ворот, и со двора, и даже зал тот, где мы трапезничали. И снова – точь-в-точь! Но толстячок все свое гнет, не успокаивается:

– Увы, сеньоры, увy! Наука ведает случаи, когда затмение сразу на многих находило, причем видели все одно и то же...

Тут уж меня оторопь взяла. Это на что же он намекает?

Что нам всем замок этот привиделся? И дон Хорхе? И сеньорита Инесса?

Расстегнул я ворот, булавку с камешками синими потрогал, затем отвернулся, платок с узлами достал.

Все на месте. Значит, не спятили мы. По крайней мере, я.

— Если бы мне удалось зацепиться за деталь некую! — вздыхает толстячок. — Наваждения, как правило, из уже виденного и ведомого возникают. Ежели бы вспомнил я в замке том нечто, никогда прежде мне не встречавшееся! Ибо нахожу я в сеньоре Новерадо некое сходство с портретом, мною виденным в Саламанке...

И тут меня словно кувалдой по бестолковке навернули.

— А книги? — воскликнул я. — Вы же книжки полдня смотрели да на бумажку чего-то записывали!

Чуть не подпрыгнул толстячок. Засуетился, из сумы седельной бумагу достал — ту самую, с которой из замка выехал.

— Да-да, конечно! Книги... Их там, сеньоры, оказалось не слишком много, однако же каждая — истинное сокровище. Вот, пометил я, летопись времен готских, написана в дни короля Родриго, что враждовал с родичем своим Хулианом...

Окуляры поправил, подумал. Погрустнел.

— Однако слышал я о летописи той прежде, и отрывки читал. История же вражды Родриго с Хулианом, который и привел мавров на землю нашу, всем известна...

— Так нет ли чего иного, сеньор? — подхватил Дон Сала-

до. – Того, что неведомо было вам прежде?

– Вот! – пухлый палец уперся в какую-то строчку. – Рукопись, в коей содержится неведомая мне прежде поэма о великом Сиде. И хоть отсутствует в рукописи той начало, однако же поэма поистине прекрасна. Даже запомнил я некоторые строчки...

Зажмурился толстячок, шевельнул усами.

– Да, вот! Послушайте! Всадники... Да точно!

Всадники шпорят, поводья ослабив.
Ворона в Биваре взлетела справа,
А прибыли в Бургос, слева взлетает.
Мой Сид распрямился, повел плечами:
«Вот, Альвар Фаньес, мы и в изгнание,
Но с честью в Кастилью вернемся обратно».
Вступает в Бургос мой Сид Руй Диас,
С ним шестьдесят человек дружины.
Встречать и мужчины и женщины вышли.
Весь людный город у окон теснится.
Бургосцы плачут в большом унынье.
Каждый твердит, взирая на Сиды:
«Честной он вассал, да сеньором обижен».
Дать ему кров им в охоту, но страшно...

– Стихи о великом Сиде! – вскричал мой идадьго, даже до конца не дослушав. – И при том неведомые даже мне, хоть немало я слышал об этом замечательном рыцаре! Поистине, вам не о чем беспокоиться, сеньор Рохас, самому такое не

придумать и в бреду, конечно же, не услышать.

И вновь послышался вздох, но уже совсем иного рода.

– И в самом деле, сеньоры, в самом деле! – сеньор лисенсиат даже окуляры снял, на солнышко взглянул. – Не придумать мне такого, тем более стихи эти сложены на старинном наречии и забытым ныне размером... Но хотелось бы еще, еще что-то, чтобы уже никаких сомнений...

Палец снова заскользил по бумаге.

– Есть! – теперь сеньор лисенсиат уже улыбался. – Мне надо было про это сразу вспомнить. О таком я точно нигде не слыхал и придумать тоже не мог...

Встал, ручки свои потер, вновь на небо посмотрел.

– Как славно сеньоры! Как славно, что разум мой в порядке, хоть и засомневался я изрядно, потому как имелась причина, показавшаяся мне веской...

А меня уже и любопытство разбирает. И в самом деле, что такого могло случиться, чтобы сеньора Рохаса с толку сбить?

Толстячок уже и бумаги все спрятал, и на мула взобрался.

– Пора нам, сеньоры! Надеюсь, извините вы мне мою слабость...

– Да чего уж там, – вздохнул я, самого себя вспомнив. – С каждым бывает!

– Если помните вы, сеньоры, – принялся рассказывать толстячок, между мною и рыцарем калечным пристроившись (блага тропа пошире стала). – Хозяин наш, дон Хорхе

Новерадо, не велел нам оглядываться, когда выберемся мы за ворота. Не удержался я, признаться, назад поглядел.

Вспомнил я – точно! Было дело – оглянулся толстячок. Оглянулся, а после принялся пот со лба вытирать.

– Верно, сеньоры, солнце было тому виной или дымка над горами, однако не увидел я замка, где только что мы с вами гостили. Ни его, ни руин даже. Просто площадка ровная да какие-то ямы. И камни по бокам. Долго я глядел...

– Думаю, причиной тому не солнце, – глубокомысленно заметил мой идальго. – Всему виной окуляры, которые не столь помогают, сколь искажают зримый образ мира, особенно же на расстоянии. Потому и не ношу я их.

– К тому же я тоже оглядывался, – подхватил я. – И ничего никуда не пропадало.

Лисенсиат вновь кивнул, весьма успокоенный, а я вдруг сообразил, что оглядывался-то еще перед воротами! Перед ними – не за!

Сообразил – но вслух уточнять не стал. Этак и впрямь тараканы в голове заведутся.

– А потому, – подытожил сеньор Рохас, – будем исходить из логики, всеми мужами учеными чтимой. Ежели во многих случаях видел я нечто, вполне меж собой согласующееся, и только в одном – нет, то резонно предположить будет, что именно в этом случае чувства мои слегка обманулись. Сие и следует из правила, бритвой Оккама именуемого...

– И быть по сему! – согласился я, а Дон Саладо поспешил

осенить себя крестным знамением. Не иначе от того, что про Оккама услышал. И действительно, что за демон такой?

...А я вновь булавку потрогал. Все в порядке, на месте булавка.

Ну точно, заразная хворь у моего идадьго!

– Однако же, сеньор Рохас, – продолжал Дон Саладо, – что за книгу вы вспомнили последней? Видать, особая она была, ежели от воспоминаний о ней ваша хворь без следов сгинула.

– И правда, – кивнул толстячок. – Книга сия весьма редкая, ей лет двести без малого будет. И замечу, что сохранилась она отменно, более того, эта книга, точнее же, рукопись – самое последнее, что приобрели предки почтенного дона Новерадо для своей библиотеки. Видать, новые книги у них не в чести! Охотно расскажу о ней, поскольку чую, что вам, Дон Саладо, услышать о том любопытно будет.

А мне уже и не до того стало. Здоров наш лисенсиат – и славно. А книги... Бог с ними, с книгами этими! От них уму – одно помутнение. Тем более, за тропой следовать требовалось. Вниз шла тропа, катилась даже. Значит, с горы сваливаемся, напрямик на равнину. Не налететь бы нам аккурат на заставу Святой Эрмандады. Вечно они в самом ненужном месте появляются!

– Рукопись эта вот о чем гласит, – вещал тем временем наш толстячок – бодро так, весело даже, не иначе, оклемался совсем. – В году Anno Domini 1291-м два венецианца, бра-

тъя Луиджи и Пьетро Вивальди, оба – кормчие опытные, отплыли на двух своих галерах мимо Столпов Геркулесовых, именуемых еще Гибралтаром, напрямиком в море-Океан³⁵, надеясь обогнуть Африку...

Тут уж и я уши наострил. Эка замахнулись! Мы от острова к острову ходим, берег из виду не теряем, а тут – в море-Океан! И когда? Вон, португалцы уже почти сто лет пытаются Африку морем обойти – да без толку все. Недаром Океан этот мавры, чтоб им пусто было, морем Мрака называют.

– Однако же сильная буря, равно как течение, куда галеры эти попали, понесли их напрямиком на запад. И плыли они более тысячи лиг...³⁶

– Сколько? – не удержался я, обо всем позабыв, даже о Святой Эрмандаде. – Вы, сеньор Рохас, зря книжку эту читали. Тысяча лиг! Да галера и двести не пройдет, да что я говорю – ста, если воды на борт брать не будет. Видел я эти галеры. Большие, конечно, но чтобы тысяча лиг!..

Вспомнил я Венецию, Арсенал тамошний, галеры, что всю бухту покрыли. Хороши, очень хороши, но не для моря-Океана. Там ведь шторма не такие, как у наших берегов. Говорят, волны – вроде тех гор, что мы только-только проехали.

– И вправду, досталось им изрядно, – согласился толстя-

³⁵ Море-Океан – Атлантический океан.

³⁶ Имеется в виду морская лига. Тысяча лиг – 5600 км.

чок. – Однако все же доплыли они до некой земли...

– И мы доплыли, – самым невежливым образом перебил я, Куло своего придерживая. – То есть, не доплыли, конечно. Приехали!

Приехали – потому что кончился спуск. И горы кончились. Впереди – словно яйцо куриное разбили да желток развезли. Равнина! Желтая-желтая, даже деревья, что вдалеке торчат, желтыми мне показались. От пыли, видать.

Ну, равнина желтая – это по сторонам. А впереди, совсем близко – стены серые, приземистые, за ними – крыши черепичные, а вот и колокольня – странная такая, не иначе, минарет бывший.

– Касалья-де-ла-Сьерре, сеньоры, – сообщил я, для верности рукой указав. – Сейчас приступ начнем или до вечера подождать следует?

– Отчего же до вечера? – удивился лисенсиат. – Думаю я...

Бум-м-м!

Не везет толстяку сегодня – опять перебили, договорить не дали. Но на этот раз уже не я был тому виной. Колокол! Да так громко!

Загремело с колокольни,
Загремело, отозвалось.
Отовсюду зазвонили,
Басовито, со значеньем.
Не пожар ли? Так нет дыма.

Не война? Врагов не видно!
И поехали мы шагом
Прямо к городским воротам,
Тому звону удивляясь.
«Если ловят, то не нас ли?» –
Я сказал, не удержавшись.
«Не чума ли?» – вздрогнул Рохас,
Поспешив перекреститься.
Только славный Дон Саладо
Не имел на то сомнений:
«Не простой тот звон – драконий!
Не иначе, монстр ужасный
Поступил к вратам Касальи.
Чую, ждет нас нынче битва!»
Усмехнулся наш ученый,
Про драконий звон услышав.
Я ж имел иное мнение:
Пусть уж лучше два дракона,
Даже вместе с василиском,
Чем Святая Эрмандада!

ХОРНАДА Х.

О том, как мы встретились с Драконом.

Хорошо, когда ловят кого-нибудь другого, а не тебя! То есть, конечно, нет, никому подобного не желаю (еще не хватало!), просто дышится легче, ежели не ждешь, что дурак-глашатай вот-вот заорет: «По указу королевскому... за злодеяства разные... именуемого также Бланко, лет же ему... приметы же...». А приметы у меня – и не придумаешь лучше, одна башка белая чего стоит, особенно в Андалузии. Орет глашатай, а соседи уже морды любопытные в мою сторону поворачивают, реалы с мараведи в уме пересчитывают...

Фу ты!

А вроде искать меня пока не должны, во всяком случае по указу. Правда, коррехидор в Сарагосе распорядился еще год назад, и алькальд в Малаге, той, что мой идальго приступом брал... Но туда я и не суюсь – ни в Сарагосу, ни в Малагу, ни в Бургос.

А здесь что?

«Здесь» – это, само собой, в Касалья-де-ла-Сьерре. Пока мы с одрами нашими через толпу, что улицу главную запрудила, протискивались, успел я осмотреться. Бывал я тут этак

с год назад, и ничего в Касалье не изменилось. Да и чему меняться? Крыши черепичные, стены желтого кирпича, морды опять же – кирпичные.

Дыра!

Одно хорошо – людно тут сегодня, отовсюду собрались-набежали. Со всего города, да и с округи, пожалуй. Стиснули – не повернуться, отовсюду луком несет да маслом прогорклым.

Не хотел бы я здешней ольи отведать!

И все это толпище вперед ломится – на главную площадь. Бывал я и там. Площадь, как площадь, мощеная, вокруг дома под желтой черепицей, один, алькальда здешнего, даже двухэтажный. Ну и церковь, понятно – та, что с минаретом. Только в обычные дни пусто тут и голо. А вот сегодня...

– Или праздник какой нынче, Начо? – спросил Дон Саладо, не иначе, мысли мои подслушав.

В этой пыльной толпе козопасов да свинопасов мой идальго на своем коньке выглядел чуть ли не самим Сидом Компеадором. По меньшей мере – Ланчелоте. На нас уже поглядывали – уважительно так, серьезно.

– Едва ли, – дернул я плечами. – Троица уже прошла, Святой Андрей и Святой Хуан – тоже...

– Может, праздник тут местный? – встрял толстячок, от чьей-то широкополой шляпы нос свой отводя (ой, несло от той шляпы, на десять шагов слышно!). – Известно, что в про-

винции почитаются обычаи всякие, порою весьма древние...

Я даже слушать не стал. Праздником тут и не пахло (луком пахло!). Ясно – случилось что-то. Но не пожар, не война. Или война все-таки? Повелела Ее Высочество³⁷ Изабелла созвать воинство да идти напрямиком на Гранаду...

А по хребту – словно иголки покалывают. Нет, не война, чую. Вот заорет сейчас глашатай про злодея державного с башкой белой да с дагой миланской у пояса...

Ага, уже орет! Прямо с паперти церковной.

– ...и к тем словам должно отнестись вам с вниманием и почтением!..

Ага! Так и есть. Морда пропитая, штаны черные, узкие, накидка тоже черная.

Глашатай! Да не простой – из Севильи, не иначе, накидка-то серебром шита! А рядом с ним...

Да как тут увидеть того, кто рядом? Площадь маленькая, ступить негде, людей ежели не море, то с озеро немалое – точно. Толкнули нас, затем снова, Куло мой зубищи желтые скалит, сейчас укусит кого-нибудь...

– Пропустите сеньора! Пропустите! Эх, деревенщина, а ну, в сторонку!

Так и знал, так и чувствовал! Эрмандада! Этих сразу узнаешь – морды красные, бороды черные, латы огнем горят. И прямо к нам!

³⁷ Высочество – титул королей Кастилии, Арагона и Португалии до начала XVII века.

– Сеньор! Сеньор идадьго! Благоволите поближе! Мы вам место расчистили.

Ого, кому это такой почет? Неужто рыцарю моему калечному?

Оказалось – ему. И не только ему – нам. И дорогу указали, и место освободили к паперти поближе. Поклонились даже. ...Ох, ни к чему мне такой почет!

А Дон Саладо приосанился весь, мочалку свою огладил. Хорош!

Ну ладно, что там на паперти? Точнее – кто там?

А на паперти, у самых врат церковных – черное с белым.

– ...почтенные и благочестивые братья фра Martino и фра Луне³⁸... Да тише вы, добрые граждане Касальи! Тихо, болваны, кому говорят!

Стихло!

Стихло, замерло, я в седле чуть привстал, за чью-то шляпу заглянул...

Да, черное с белым – ризы. И знакомые такие!

– Домине канес...

Тихо сеньор Рохас это сказал, прошептал почти, да только я услышал. Услышал, повернулся...

Не узнать толстячка! Похудел словно, губы ниточкой сжались, побелели...

– Домине канес...

³⁸ Фра – от латинского «брат» (frater). Употреблялось только вместе с именем. В противном случае к монаху обращались просто «брат» («hermano» – исп.).

Повторил, глазами блеснул. А мне не по себе стало. Зря это он так шутит! А ежели думает, ученый, что латынь тут не знают, то зря думает. Я вот не знаю, а то, как он братьев-доминиканцев обругал, сразу понял. Домине канес – божьи собаки, значит. Псы!

Не любишь монахов – и не люби. Только чтобы тихо. Вслух-то зачем?

– Дети мои-и-и-и!

Словно бомбарда ахнула. Колыхнулась толпа, Куло мой ушами дернул, я еле в седле усидел. Только это не бомбарда и не кулеврина даже, это один из черно-белых голос подал. Большой, громоздкий, лицо как жернов мельничный, брови черные глаза закрывают. А голосина! Бас колокольный!

– Дети мои! Граждане города Касальи! О великой беде пришли мы с фра Луне рассказать вам!..

Тишина – мертвая. Была бы муха – услышали муху. Да только нет мухи, от жары, наверно, сдохла.

– ...В опасности наша Кастилия! В великой опасности! И не только она, но и весь мир христианский, Господом нашим сотворенный и спасенный!..

Что такое? Переглянулись мы с толстячком.

– Не иначе, турки, – озабоченно заметил сеньор Рохас. – Слыхал я, эмир Гранады завел переговоры с Баязедом...

– Неужто в крестовый поход? – донеслось из-под шлема. – Славно, сеньоры, славно!

Я только вздохнул. Ну, Дон Саладо!

А громоздкий нас словно услышал. Услышал, ручищу поднял, да так, что рукав черный сполз. Ух, ручища!

– Но не от мавров беда эта, не от турок даже, не от французов и не от португальцев! Враг – в нашем доме, в нашей родной Кастилии. Тут, среди нас, готовит он измену черную. Имя же ему – Легион, ибо многочисленны сии бесы, наш дом запрудившие!..

– Бесы-то в свиньях... – тихо-тихо проговорил сеньор Рохас, а мне вновь не по себе стало. Молчал бы лучше!

– Я понял, кажется, сеньоры... Ах, сволочи!

Не молчит! Рот ему, что ли, заткнуть, толстячку? Уже и соседи коситься начали!

– Кто же враги эти, дети мои! Кто?!

Эге, да это уже другой – длинный, худой как жердь. Но тоже – черно-белый.

– Кто? Спросите меня, добрые граждане Касальи! Спросите меня, скромного брата Луне!

– Кто?! – единым вздохом отозвалась толпа. – Кто-о-о?!

– Знаете вы их! – заверещала жердь. – Хорошо знаете, дети мои! Кто распял Христа, Господа нашего? Кто погубил Его апостолов? Кто забил камнями Святого Яго, нашей Кастилии покровителя?

– Но не только в давние годы злодействовали они! – вновь вступил бас. – Но и наши дни мерзостью их переполняются. Правда, фра Луне?

– Правда, фра Мартино! – радостно подхватила жердь. –

Кто дерет с вас безбожные проценты, деньги в рост отдавая?
Кто упивается кровью добрых христиан? Кто презирает веру
Христову и над таинствами глумится? Кто маврам прокля-
тым первый помощник? Кто-о-о-о?

– Иудеи! Иудеи! – глухо пронеслось над толпой.

– Кто-о-о?!

– Жида-ы-ы-ы-ы-ы!!!

Я покосился на своих спутников. Дон Саладо недоуменно
моргал, ладонь к уху приложив – не понял, видать. А толстя-
чок замер, губы свои тонкие закусил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.